

З. 38.

Ш. 76.

П. 1.

№ 135.

Пролетария 1950

Ориг. в Рязан. Софине 1882
№ VII, с. 147-216.

Ориг. [Универс. Н.К.]

Всп. изд. Н.К. Рязан. Софине
записки. Изд. II. 1929. 100

377

28.76.1.133

М

МЕЖДУЦАРСТВІЕ ВЪ РОССІИ

СЪ 19-го НОЯБРЯ ПО 14-е ДЕКАБРЯ

1825 года.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Въ приложеніяхъ къ извѣстному труду барона (заслѣдствіи графа) М. А. Корфа: „Восшествіе на престолъ императора Николая Павловича“—помѣщены матеріалы къ исторіи междоусобицы въ Россіи—съ 19 ноября по 14 декабря 1825 г.

Въ настоящемъ сборникѣ, составленномъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изъ сообщеній разныхъ лицъ, интересующихся Отечественною Исторіей,—читатель найдетъ рядъ документовъ, воспомянувшихъ трудъ графа М. А. Корфа и ярко освѣщающихъ событія и лица того времени.

При этомъ, по внутренней связи документовъ, мы помѣщаемъ не только тѣ, которые писаны въ дни съ 19 ноября по 14 декабря 1825 г., но и нѣсколько ранѣе, и нѣсколько позже. Такимъ образомъ нашъ сборникъ начинается съ весьма важнаго заявленія генерала Витта объ открытіи заговора въ августѣ 1825 г. и кончается июлемъ 1826 г., когда напоенные изъ смуты повесли канѣ.

Ред.

В. А.
№ 989 (а).

Письмо графа Витта — Александру I.

Отъ 13-го августа 1825 года.

По округу второго Вутскаго полка.

[Переводъ съ франц.]. Государь! Такъ какъ въ Риндельевскіѣ лицей, въ Одессу, были присланы изъ Петербурга два виленскіе профессора, замѣшанные въ дѣлѣ, случившемся на Литвѣ, то я счелъ долгомъ поручить строгій надзоръ за ними тайнымъ агентамъ. Нѣсколько времени спустя послѣ ихъ пріѣзда, министръ народнаго просвѣщенія предписалъ мнѣ объявить имъ, что они не могутъ оставаться въ Одессѣ, но что имъ разрѣшается взять мѣсто внутри Россіи; въ ожиданіи отвѣтовъ, которые должны были получиться, въ Одессѣ собралось множество жителей польскихъ губерній, что вынудило меня слѣдить за ними съ особенною строгостью, но здѣсь поведение ихъ оказалось вполне безупречнымъ. Стараясь открыть причину недовольства тамъ, гдѣ оно могло скрываться, мои агенты, по счастливой случайности, попали на слѣдъ гораздо болѣе важнаго и серьезнаго дѣла, могущаго имѣть самыя печальныя послѣдствія, такъ какъ тутъ дѣло идетъ, государь, о спокойствіи в. и. в.

Въ письмѣ, написанномъ мною генералу Дибичу въ Варшаву, я коснулся слегка одного дѣла, по поводу котораго онъ желалъ имѣть отъ меня нѣкоторыя свѣдѣнія, но въ то время я самъ былъ еще на пути къ открытію истины, теперь же я имѣю всѣ свѣдѣнія, знаю также цѣль, какую желаютъ достигнуть и поэтому осмѣливаюсь просить у в. в. аудіенціи, такъ какъ дѣло касается вещей, которыя не могутъ быть переданы письменно и которыя возможно сообщить лишь в. и. в. — Вы будете, государь, на пути къ разъясненію многихъ собитій.

Чтобы нельзя было заподозрить цѣль моей поѣздки въ Петербургъ

и чтобы она была известна лишь я. я, я думаю отпроситься въ отпускъ на 28 дней, но такъ какъ здѣсь говорятъ, что я. я. я. намѣревается отпроситься на нѣсколько дней въ Таганрогъ, то быть можетъ, государь, вы соизволите разрѣшить мнѣ представиться тамъ я. я., въ одной губерніи съ колоніями. Осмѣливаюсь увѣрить я. я., что я отнюдь не стараюсь воспользоваться этимъ случаемъ какъ средствомъ оправдаться отъ клеветъ и устранить зло, которое люди стараются причинить мнѣ; совесть моя слишкомъ чиста, а моя честь и усердіе къ службѣ я. я. стоятъ мнѣ всякаго упрека. Впрочемъ, государь, я далеко мысленно отъ всякихъ личныхъ заботъ и думаю лишь объ особѣ я. я. и о спокойствіи вашемъ; теперь болѣе, чѣмъ когда либо, вы увидите, государь, во мнѣ и во всѣхъ дѣйствіяхъ моихъ одно усердіе, преданность и благоговѣніе къ я. я. я. и проч. Виттъ.

II.

Послѣги по маршруту, утвержденному императоромъ Александромъ I-мъ 8-го августа 1825 г., передъ путешествіемъ въ Таганрогъ.

1. Романшино
2. Боровичи
3. Прискуха
4. Велижъ
5. Дорогобужъ
6. Рослави
7. Стародубъ
8. Сѣлскъ
9. Богатой
10. Чугуевъ
11. Славянскъ
12. Ивановское
13. Таганрогъ.

III.

Князь П. М. Волконскій — императору Александру I.

Мелехово. 7-го сентября 1825 г.

[Переводъ съ франц.]. Государь, благодаря Бога, императрица отлично переноситъ путешествіе и здоровье ея отнюдь не пострадало. Ея величество теперь повидимому менѣе утомлена, нежели въ первый день. До сихъ поръ погода благопріятствовала намъ, но сегодня она измѣнилась и пошелъ сильный дождь.

Не смотря на всѣ принимаемая мною предосторожности и на данное мною приказаніе не сѣдѣть, въ Лугѣ случилось однако несчастіе съ однимъ почталономъ, какъ в. в. усмотрите изъ прилагаемой при семъ записки. Хотя событіе это случилось во второмъ отрядѣ (section) за долго послѣ нашего отъѣзда, однако и чрезвычайно встревоженъ имъ, тѣмъ болѣе, что при такой тихой ѣздѣ не должно бы случиться подобаго несчастія.

Докторъ Штофрегенъ умолялъ меня не говорить объ этомъ императрицѣ, чтобы не нарушать покой, коимъ е. в. пользуется во время поѣздки, что могло бы вредно отразиться на ея здоровьи. Я буду ожидать приказаній в. в. относительно предполагаемаго государственнаго посѣщенія княгини Барятинской. Такъ какъ дорога по ту и другую сторону Рымска нѣсколько утомительна, то и не согласитесь ли вы, государь, на то, чтобы изъ Новгорода-Сѣверскаго мы отправились на ночлегъ въ Ивановское, а оттуда въ Суйду, отстоящую въ разстояніи 74 версты, затѣмъ изъ Суйды въ Богатень... 63 версты; это затянуло бы наше путешествіе на день, но не утомило бы императрицу.

Имѣю честь быть, всеимпостовѣннѣйшій государь, в. н. в. всепокорнѣйшій и всепачкайшій вѣрноподданный князь П. Волконскій.

1344.
N 583.

IV.

Князь П. М. Волконскій — императору Александру I.

Вѣтегородъ. 18-го сентября 1825 г.

[Переводъ съ франц.]. Государь, соблаговолите принять мою низкайшую благодарность за письмо, которымъ в. н. в. угодно было удостоить меня и которое я получилъ вчера поутру черезъ поручика Петровскаго за минуту до нашего отъѣзда въ Ивановское.

Здоровіе императрицы, благодаря Бога, хорошо. Отдыхъ, доставляемый е. в. каждый вечеръ и спокойствіе, окружающее ее, восстанавливаютъ ея силы, измученныя путешествіемъ. Мы останавливались въ Ивановскомъ, на два часа и, позавтракавъ плотно, отправились на почлегъ въ Суйду. Хотя сегодняшняя поѣздка была весьма утомительна, однако императрица вынесла ее прекрасно и, прибывъ въ Суйду, отправилась въ соборъ, гдѣ е. в. была принята архіереемъ и всѣмъ духовенствомъ; послѣ молитвенія архіереевъ поднесъ ей, по обычаю, образъ. Въ соборѣ мы застали старушку графиню Анну Родіоновну Чернышеву, которая подошла къ государинѣ, поцѣловала у нея руку. Императрица приказала ей придти завтра утромъ

передъ ея отъѣздомъ. Завтра мы будемъ ночевать въ Чугуевѣ, а затѣмъ будемъ останавливаться на станціяхъ, указанныхъ въ послѣднемъ маршрутѣ, полученномъ мною отъ генерала Дибича, и съ Божьей помощью я надѣюсь имѣть счастье доставить е. в. въ Таганрогъ 23-го числа и повергнуться къ стопамъ и. и. в. въ благодарности за довѣріе, которое и. в. соблаговолили оказать мнѣ, назначивъ меня сопровождать императрицу. Имѣю честь быть, всеимпостнейшій государь, и проч. князь Волконскій.

V.

Цесаревичъ Константинъ — ген.-адъют. барону Диничу.

Дрезденъ. 20-го октября (1-го ноября ¹⁾).

[Переводъ съ франц.]. Любезный генералъ, вчерашній день я получилъ письмо, которое вы соблаговолили написать мнѣ изъ Таганрога отъ 16-го сентября по старому стилю. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я извѣстія, касающіяся ихъ и. и. в. в.; также весьма интересны для меня извѣстія о таганрогскомъ гарнизонѣ и осмотрѣ 1-й бригады и 2-й кирассирской дивизіи, произведенномъ государемъ въ Бѣлгородѣ. Считаю долгомъ принести вамъ по этому поводу мою искреннюю признательность. Я былъ бы чрезвычайно обязанъ вамъ, любезный генералъ, если бы, при удобномъ случаѣ, повергли къ стопамъ е. в. августѣйшаго монарха нашего увѣренія въ совершенномъ моемъ почтеніи и въ безграничной моей преданности.

Не скрою отъ васъ, что меня весьма огорчило извѣстіе о томъ крайне неудовлетворительномъ состояніи, въ какомъ вышеупомянутая бригада представилась е. и. в., вызвавъ его неудовольствіе. Однако меня утѣшаетъ увѣренность, что она впредь будетъ стараться и не упуститъ ничего, что могло бы заслужить высочайшее одобреніе е. в.

Я приписываю подробности, сообщаемыя въ вашемъ письмѣ, особенному вниманію вашему ко мнѣ и прошу васъ быть увѣреннымъ, что я весьма тронутъ этимъ; боюсь злоупотребить вашей любезностью, я рискую однако обратиться къ вамъ съ просьбою посвятить мнѣ, если позволятъ ваши занятія, нѣсколько свободныхъ минутъ, извѣщая меня обо всемъ касающемся пребыванія ихъ и. на югѣ Россіи и прошу васъ сообщать мнѣ всѣ извѣстія, которыя вамъ удастся собрать; онѣ будутъ для меня безъ сомнѣнія также интересны какъ и все сообщаемое вами.

Примите, любезный генералъ, еще разъ увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и искренней дружбѣ моей къ вамъ. Константинъ.

¹⁾ Рукою Дибича написано: „под. 19-го ноября“.

VI.

ГЕНЕР.-АДЪЮТ. БАРОНЪ ДНЕНЧЪ—ГЕНЕРАЛУ КУРУТЪ.

Таганрогъ. 12-го ноября 1825 г.

[Переводъ съ франц.]. Получивъ съ эстафетой, прибывшей сегодня утромъ, извѣстіе о благополучномъ прибытіи е. и. в. въ Варшаву, я считаю долгомъ, любезный генералъ, написать вамъ, чтобы слухи, дошедшіе стороною, не возбуждали со стороны е. и. в. великаго князя Константина болѣе серьезнаго безпокойства относительно здоровья августѣйшаго монарха нашего. Е. в. чувствовалъ себя отлично во все время поѣздки его по Крыму, но послѣдніе дни проявилась легкая лихорадка, составившая къ сожалѣнію необходимое послѣдствіе климата здѣшнихъ мѣстъ.

По прибытіи въ Таганрогъ приступы лихорадки повидимому ослабли, но послѣдніе два дня они вновь усилились, вслѣдствіи чего е. в. вынужденъ во выходить изъ своей комнаты.

По мнѣнію врачей это лихорадочное состояніе перешло повидимому въ перемежающуюся лихорадку, но они надѣются, что съ помощью Всевышняго здоровый климатъ Таганрога и надлежащія лекарства предупредятъ послѣдствія этого недуга и подѣйствуютъ благотворно на теченіе болѣзни е. в., которая приняла сегодня, по моему мнѣнію, менѣе острый характеръ. Лишь только болѣзнь е. в. окончательно приметъ благопріятный оборотъ, на что мы всѣ рассчитываемъ, зная крѣпкую натуру нашего августѣйшаго монарха и надѣясь на милосердіе Божіе, я немедленно сообщу вамъ о томъ, любезный генералъ, съ особенной эстафетой, равно какъ и въ томъ случаѣ, если бы въ болѣзни обнаружились болѣе опасныя симптомы, чего до сихъ поръ нѣтъ никакого основанія предполагать. Если же, напротивъ того, характеръ болѣзни будетъ все также неопредѣленъ, то я все таки буду имѣть честь извѣстить васъ объ этомъ по прошествіи недѣли.

Прошу васъ, любезный генералъ, высказать е. и. в. великому князю Константину увѣреніе въ совершеннѣйшей моей преданности и принять также увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и дружбѣ, съ какою честью имѣю быть вашимъ всеподкорнѣйшій и всепокорнѣйшій слуга П. Дибичъ.

А (подписанъ)
538.

Въздѣ
Въздѣ
N. 936.

Taganrog. Ce 12 Novembre 1825.

Mon général. Ayant reçu par l'estafette arrivée ce matin la nouvelle de l'heureuse arrivée de S. A. I. à Varsovie, je compte de mon devoir, cher général, de vous écrire pour que des bruits qui peuvent vous arriver par d'autres voies ne puissent pas inquiéter plus gravement S. A. I. Mgr le grand duc sur l'état de santé de l'Empereur notre auguste maître. S. M. s'étant porté parfaitement bien pendant tout son voyage en Crimée, a senti les derniers jours quelques petits accès fiévreux, suites malheureusement trop communes du climat de ces contrées.

Etant arrivé à Taganrog ces accès paraissent diminuer, mais ils sont revenus les deux derniers jours et forcent S. M. de garder sa chambre.

D'après les avis des médecins ces accès fiévreux paraissent s'être formés en fièvre remittente, mais ils espèrent qu'avec l'aide du Tout Puissant le climat sanitaire de Taganrog et les remèdes convenables préviendront les suites et agiront avantageusement sur la durée de la maladie de S. M. qui me paraît avoir pris aujourd'hui un caractère d'amélioration. Dès que la santé de S. M. aura pris une amélioration décisive, ce que nous espérons tous de la bonne constitution de notre auguste Maître et de la grâce du Ciel, je ne manquerai pas de vous en donner des nouvelles, général, par une estafette extraordinaire, ainsi que dans le cas que jusqu'à présent on n'a encore aucune raison à craindre, si la maladie prendrait des symptômes plus inquiétants. Si au contraire la maladie garde encore ce caractère indécisif j'aurai l'honneur néanmoins de vous en avertir à la fin d'une semaine.

Je vous prie, cher général, de bien vouloir présenter à S. A. Mgr le grand duc les respectueux hommages de mon entier dévouement et je vous prie d'ajouter l'assurance des sentiments sincères d'estime et d'amitié avec lesquels j'ai l'honneur d'être votre très humble et très dévoué serviteur J. Diebitsch.

Taganrog. 14-го ноября 1825 г.

[Переводъ съ франц.] Вѣдѣ за письмомъ, написанномъ мною вамъ 11 числа ¹⁾ сего мѣсяца, я считаю долгомъ сообщить вамъ, любезный генералъ, что надежды наши на скорое выздоровленіе е. и. в., къ сожалѣнію, не оправдались и что желчная

¹⁾ Ошибся, должно быть 12-го ноября. На черновомъ спискѣ дѣйстви-тельно помѣтна 11 ноября.

лихорадка, которой онъ страдаетъ, еще болѣе усилилась послѣ отсылки моего письма. Врачи не убѣждены еще въ неминуемой опасности, но не ручаются болѣе за дѣйствительность ихъ леченія. а е. в. чрезвычайно ослабъ вслѣдствіе сильныхъ пароксизмовъ ¹⁾ лихорадки. Мы всѣ надѣемся, что Всевышній услышитъ наши мольбы о выздоровленіи августѣйшаго монарха нашего, но въ то же время мы чрезвычайно встревожены столь упорной болѣзнію, которая до сихъ поръ не подаетъ ни малѣйшей надежды на улучшеніе, а постоянно усиливается.

Если Господь услышитъ наши молитвы, я не премину немедленно извѣстить васъ объ этомъ. Преданный вамъ Н. Дибичъ.

Taganrog, ce 14 novembre 1825.

Mon général. En suite de la lettre que je vous ai écrite le 11 de ce mois ²⁾, je crois de mon devoir de vous dire, cher général, que malheureusement nos espérances d'une prompte guérison de S. M. l'Empereur ne se sont pas remplies et que la fièvre bilieuse dont il souffre a gagné de force depuis l'envoi de ma lettre. Les médecins ne sont pas encore persuadés d'un danger éminent, mais ne savent pas non plus répondre de l'effet de leurs efforts et S. M. se trouve sensiblement affaibli par des exacerbations ³⁾, violents de sa maladie. Nous espérons tous que le Tout-Puissant exaucera nos prières pour le rétablissement de notre auguste maître, mais il nous est impossible en même temps de ne pas éprouver les plus vives inquiétudes sur un mal aussi opiniâtre et qui jusqu'à présent ne donne pas d'espoir pour le mieux et ne fait qu'augmenter.

Si Dieu exauce nos prières, je ne manquerai pas de vous en avvertir de suite. Votre tout dévoué J. Diebitsch.

Taganrogъ, 15-го ноября 1825 г. 6 часовъ вечера.

[Переводъ съ франц.] Любезный генералъ, мы провели ужасныя минуты послѣ отправленія моего вчерашняго письма. Еще съ вечера лихорадка съ каждою минутою стала усиливаться и состояніе е. в. все болѣе и болѣе внушило опасеніе. Мы сочли долгомъ посовѣти-

¹⁾ Въ черновомъ написано: „par des paroxismes violents“ и съ боку: „exacerbations“.

²⁾ Ошибка, должно быть 12-го ноября. На черновомъ явсѣя дѣйствительно пошлѣна 11 ноября (№ 976).

³⁾ Въ черновомъ написано: „par des paroxismes violents“ и съ боку: „exacerbations“.

Тукъ В. В. В. В.

вать е. и. приобщиться сегодня въ шестомъ часу утра и это таинство было совершено е. и. со свойственнымъ ему спокойствіемъ и покорностью воли Божьей. Вскорѣ послѣ причастія наступилъ сильный кризисъ, повершій вась въ величайшее отчаяніе. Шивки, приставленные съ цѣлью оттянуть отъ головы жаръ и другія успокоивающія средства до сихъ поръ нѣсколько облегчили состояніе е. и. и доктора не теряютъ надежды, не скрывая однако другъ отъ друга существующей до сихъ поръ несомнѣнной опасности.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть, генераль, вашъ всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга. И. Дибичъ.

Taganrog. Ce 15 novembre 1825 à 6 heures du soir.

Mon cher général. Nous avons passé d'horribles moments après le départ de ma lettre d'hier. Déjà le soir la fièvre augmentant du moment à moment l'état de S. M. l'empereur est devenu de plus en plus inquiétant. On a cru devoir conseiller à S. M. de faire sa confession ce matin entre 5 et 6 heures et cet acte auguste a été rempli par S. M. avec ce calme et cette résignation qui lui appartiennent. Il a été bientôt suivi d'une crise extrêmement forte qui nous a mis tous dans le plus grand désespoir. L'emploi de saignées pour ôter la chaleur de la tête et d'autres moyens calmants ont rendu l'état de S. M. jusqu'à présent un peu plus tranquille et les médecins ne perdent pas l'espérance, ne se cachant pourtant nullement le danger éminent qui existe encore. C'est avec la plus profonde estime que j'ai l'honneur d'être, mon général, votre très humble et très obéissant serviteur. J. Diebitsch.

Taganrog. 17-го ноября 1825 г. 7 часовъ вечера.

[Перев. съ фр. яз.] Считаю долгомъ извѣстить вась съ этимъ парочнымъ, что послѣ вчерашняго дня, проведеннаго въ самомъ ужасномъ ожиданіи, такъ какъ мы неоднократно боялись лишиться нашего августѣйшаго и обожаемаго монарха, сегодня передъ нами блеснула вновь лучъ надежды. Вчера по утру лихорадка перешла въ самый злокачественный тифъ и е. и. впалъ въ то же время въ какое то совершенно безчувственное состояніе, продолжавшееся весь день и всю ночь, вслѣдствіе чего жизнь его неоднократно была въ опасности. Съ Божьей помощью сегодня утромъ, благодаря горчичникамъ и нарывнымъ пластырямъ, здоровье государя подаетъ вновь нѣкоторую надежду и хотя состояніе его все еще возбуждаетъ опа-

сенія, но болѣзнь не только не усилилась, но до настоящей минуты даже нѣсколько ослабла. Примите увѣреніе съ совершенномъ почтеніемъ и преданности, съ какими имѣю честь быть, генералъ, вашъ всевыжайшій и всепокорнѣйшій слуга Н. Дибичъ.

P. S. Считаю долгомъ сообщить вамъ, что я видѣлъ на столѣ въ кабинетѣ е. в. послѣднее письмо его императорскаго высочества и что оно показалось мнѣ нераспечатаннымъ, вѣроятно вслѣдствіе болѣзни его величества.

Taganrog, ce 17 novembre 1825, le soir à 7 heures.

Mon général, j'ai le devoir de vous avertir par cet exprès qu'après que toute la journée d'hier s'est passée dans la plus horrible attente qui nous a fait craindre à plusieurs reprises de perdre notre auguste et adoré souverain, la journée d'aujourd'hui a relevé une lueur d'espoir. Hier dès le matin la fièvre s'étant convertie en typhus des plus malignes, S. M. était tombé en même temps dans une espèce d'insensibilité parfaite qui a continué pendant toute la journée et la nuit et l'a mis plusieurs fois dans l'état le plus désespérant. Grâce à Dieu dès ce matin par l'emploi des synapismes et de vésicatoires un peu d'espoir nous est revenu et quoique S. M. reste toujours encore dans l'état le plus inquiétant, mais la force de la maladie n'a non seulement pas augmenté mais même un peu diminuée jusqu'à cette heure.

Recevez l'assurance du profond respect et du parfait dévouement avec lesquels j'ai l'honneur d'être, mon général, votre très humble et très obéissant serviteur J. Diebitsch.

P. S. Je crois de mon devoir de vous dire que j'ai vu dans le cabinet de S. M. la dernière lettre de son Altesse Impériale sur la table et qu'elle m'a paru non décachetée, apparemment déjà par la maladie de S. M. l'empereur.

Taganrogъ, 18-го ноября 1825 г., 6 часовъ вечера.

Состояніе здоровья императора не улучшилось со вчерашняго дня; изъ числа многихъ дурныхъ симптомовъ, происходящихъ отъ прилива крови къ мозгу, которымъ страдаетъ е. в., прачеи наиболѣе затрудняеть потеря способности глотать пищу; вслѣдствіе этого обстоятельства, они вынуждены теперь ограничиваться почти исключительно наружными средствами и промывательными съ цѣлю уничтожить причину болѣзни, ея послѣдствія и въ то же время чтобы поддержать силы его императорскаго величества.

Примите, генералъ, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности нашего всевыжайшаго и всепокорнѣйшаго слуги Дибича.

Таганрог, 18-го ноября 1825 года в 6 часовъ вечера.

Мой генералъ, Тѣло де ла santé де S. M. l'empereur ne s'est pas amélioré depuis hier; du nombre de bien mauvaises symptômes qui proviennent de la congestion cérébrale dont S. M. souffre, l'abolition de la faculté d'avaler fatigue le plus les médecins: par cette circonstance ils sont réduits à cette heure presque uniquement à l'emploi des moyens externes et aux lavemens à la fois pour élever la cause de la maladie, ses effets et en même temps pour soutenir les forces de S. M. Impériale. Recevez, général, les sentiments de haute estime et du sincère dévouement de votre très humble et très obéissant serviteur J. Diebitsch.

VII.

Универс. Библиот. № 976

Всеноданныйшия письма ген.-ад. Дибича — императору Константину.

Его Императорскому Величеству.

Начальника Главнаго Штаба
Рапорты.

Таганрогъ, ноября 19-го дня 1825 года. № 1 *).

Съ сердечнымъ прискорбіемъ имѣю долгъ довести В. Н. В., что Всевышнему угодно было прекратить дни всеавгустѣйшаго нашего Государя Императора Александра Павловича, сего ноября 19-го дня въ 10 часовъ и 50 минутъ по полуночи здѣсь въ г. Таганрогѣ.

Имѣю счастье представить при семъ актъ за подписаніемъ находившихся при семъ бѣдственномъ случаѣ генераль-адъютантовъ и лейбъ-медиковъ.

Генераль-адъютантъ **баронъ** Дибичъ.

Дибичу псаломъ отъ 27-го ноября.

Таганрогъ, 19-го ноября 1825 г. № 2 *).

[Перев. съ франц.]. Всемилюемыйшии Государь, долгъ предписываетъ мнѣ довести до свѣдѣнія в. н. в. самое горестное извѣстіе. Бѣдѣнъ е. н. в. августѣйшаго монарха нашего, объ ужасномъ

*). Получено въ Варшавѣ: 25-го ноября 1825 г. въ 7 часовъ вечера.

*). Получено въ Варшавѣ 25-го ноября 1825 г. отъѣствовано 27-го ноября 1825 года.

На обложкѣ написано: Ген. Ад. Ф. Дибичу письмо 24 ноября

ходъ которой в. в. могли убѣдиться изъ моихъ писемъ къ генералу Курутѣ, похитила у в. и. в. нѣжнаго и горячо любимаго брата, а у всѣхъ насъ обожаемаго монарха, бывшаго нашей отрадой и нашей славой. Вслѣдъ за отправленіемъ послѣдняго письма, написаннаго мною вчера генералу Курутѣ, состояніе августѣйшаго бѣднаго, не подававшее уже надежды, ухудшилось еще болѣе, въ особенности послѣ полуночи, и въ 10 часовъ 50 минутъ утра Всевышній отозвалъ его къ лучшей жизни, въ которой онъ найдетъ достойную награду за благодѣяніе столькихъ миллионныхъ подданныхъ.

Е. в. императрица Елизавета имѣла утѣшеніе самымъ трогательнымъ образомъ посвятить себя уходу за августѣйшимъ ея супругомъ и была вознаграждена за то глубочайшей признательностью со стороны с. в., который высказывалъ ей свою благодарность даже въ тѣ минуты, когда приближающаяся смерть лишила его языка и ему лишь нѣрѣдка удавалось открыть глаза.

Здоровье ея величества до сихъ поръ не было потрясено этимъ ужаснымъ испытаніемъ и она присутствовала уже на двухъ панихидахъ.

Памятью моего обожаемаго монарха, благодѣтеля всей моей жизни, которому я обязанъ всѣмъ моимъ настоящимъ, клянусь въ вѣрности в. и. в. Смѣю надѣяться, что мои личные чувства извѣстны вамъ, государь; вы знаете мою преданность и мою признательность къ вамъ; дай Богъ, чтобы нынѣ при моихъ новыхъ обязанностяхъ я могъ доказать вамъ эти чувства, а равно и мою преданность и совершенную покорность, съ какими имѣю счастье быть, Всемилостивѣйшій государь, в. и. в. всенижайшимъ и всепреданнѣйшимъ подданнымъ, баронъ ф. Дибичъ.

Taganrog, Ce 19 novembre 1825. № 2.

Sire. Mon devoir m'ordonne d'annoncer à V. M. I. la plus déchirante nouvelle.

La maladie de S. M. l'Empereur notre auguste maître, dont V. M. aura vu les horribles progrès dans mes lettres au Général Kourouta vient de ravir à V. M. I. un frère aussi tendre que chéri, et à nous tous ce souverain adoré qui faisait notre bonheur et notre gloire. Après la dernière lettre que j'ai envoyé hier au Général Kourouta, l'état de l'Auguste malade qui déjà était désespérant s'est aggravé d'une manière horrible surtout depuis minuit et à 10 heures 50 minutes du matin le Tout-Puissant l'a appelé dans une meilleure vie où il trouvera la récompense du bonheur de tant de millions.

S. M. l'Impératrice Elisabeth a eu la consolation de se vouer de la manière la plus touchante aux soins les plus assidus près de son

Zernob. P. P. P. P. P.

auguste époux et en était payée par la plus tendre reconnaissance de S. M. qui n'a cessé de la lui témoigner même dans les moments où déjà les approches de la mort lui avaient ôté l'usage de la parole et qu'il ne parvenait que par de longs intervalles à pouvoir ouvrir ses yeux.

La santé de S. M. l'Impératrice a résisté jusqu'à présent à ces horribles épreuves, et elle a assisté déjà à deux reprises au service funèbre.

C'est sur la mémoire d'un maître adoré qui fut le bienfaiteur de toute mon existence et auquel je dois tout ce que je suis que je porte mon serment de fidélité à V. M. I. J'ose espérer que mes sentiments personnels vous sont connus, Sire, Vous connaissez le dévouement et la reconnaissance que je vous porte, puisse-je à présent en de nouveaux devoirs m'obliger pouvoir vous en donner des preuves ainsi que de la fidélité et de l'entière soumission, avec lesquelles j'ai le bonheur d'être,

Sire, de V. M. I. le très humble et très fidèle sujet J. baron de Diebitsch.

Татарскъ, 19-го ноября 1825 г. № 3 ¹⁾.

Вселицѣнствѣннѣйшій Государь, не имѣя никакой инструкціи на случай несчастія, подобнаго тому, о которомъ я сообщилъ уже в. н. в. и не имѣя въ прошедшемъ примѣра кончины государя нѣ столицы, но видя въ то же время необходимость принять какое нибудь рѣшеніе относительно официального донесенія, которое я обязанъ сдѣлать в. н. в., посоветывавшись съ княземъ Волконскимъ, мы сочли за лучшее въ виду столь важной обязанности, составить форменный актъ о кончинѣ государя на русскомъ и французскомъ языкѣ, сохранивъ во французскомъ текстѣ титулъ короля Польскаго, употребляемый во всѣхъ дипломатическихъ актахъ; къ моему донесенію я прилагаю по одному экземпляру на каждомъ языкѣ, сохраняя дубликаты здѣсь до полученія новаго приказанія отъ в. н. в.

Въ то же время я отправилъ письмо къ е. н. в. вдовствующей государынѣ, копію съ котораго имѣю честь при семъ представить; письмо это я поручилъ передать е. н. в. съ должной осторожностью дежурному генералу Потапову. Въ отсутствіе в. в. изъ Петербурга я не осмѣлился сообщить кому бы то ни было это извѣстіе, но когда болѣзнь е. в. приняла дурной оборотъ, то я написалъ председателю государственнаго совѣта князю Лопухину, с.-петербургскому и московскому генералъ-губернаторамъ и генералу Воинову, чтобы извѣстіе объ этомъ событіи не было для нихъ неожиданностью; точно

¹⁾ Получено въ Варшавѣ 25-го ноября 1825 г. въ 7 часовъ вечера.

Отъ г-на барона Г. А. Барона Дибича-Забалотскаго

также я послалъ графамъ Витгенштейну и Сакену, первому черезъ генерала Киселева, частныя секретныя письма о болѣзни е. в. государя императора, въ то время какъ болѣзнь его была еще не столь серьезна.

Мы запечатали съ княземъ Волконскимъ бумаги, находившіяся въ кабинетѣ е. и. в. и онѣ будутъ храниться подъ печатью до получения приказаній отъ в. и. в., безъ коихъ я не осмѣливаюсь также дѣлать распоряженія о движеніи войскъ и о назначеніи генераловъ и штабъ и оберъ-офицеровъ, которыхъ у насъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ для обычнаго церемоніала.

Наконецъ я счелъ долгомъ послать съ этой депешей поручика корпуса фельдгегерей Петровскаго, офицера испытанной преданности, въ надеждѣ, что она будетъ доставлена такимъ образомъ быстро. Я пошлю вслѣдъ за нимъ другаго фельдгегера, у котораго не будетъ иныхъ депешъ, но онъ будетъ на готовѣ принять депеши Петровскаго, если бы съ послѣднимъ случилось по пути какое нибудь несчастіе; ему будетъ данъ дубликатъ съ моего донесенія и копія съ русскаго и французскаго актовъ, на тотъ, довольно невѣроятный случай, если бы в. и. в. находились въ путешествіи и поручикъ Петровскій развѣхался бы съ вами.

Такимъ образомъ я буду ежедневно отправлять къ в. в. фельдгегерей одинъ за другимъ, но буду оставлять здѣсь бумаги, получаемыя изъ Петербурга, до полученія приказаній отъ в. в., не зналъ останетесь ли вы въ Варшавѣ.

Я осмѣливаюсь рассчитывать на великодушное извиненіе со стороны в. и. в., если все изложенное здѣсь не вполне согласуется. Всемилостивѣйшій государь съ вашими намѣреніями, но въ настоящемъ прискорбномъ и небываломъ случаѣ мнѣ пришлось дѣйствовать по моему личному усмотрѣнію, придерживаясь существующаго закона, и я считалъ для себя за честь слѣдовать во всемъ совѣтамъ князя Волконскаго.

Соблаговолите, Всемилостивѣйшій государь, принять свисходительно это письмо, равно какъ и чувства совершенной покорности и преданности, съ коими имѣю счастье быть в. и. в. всенижайшимъ и всепокорнѣйшимъ вѣрноподданнимъ. Дибичъ.

154 А.
N 596. 13

Taganrog, ce 19 Novembre 1825. № 3.

Sire. N'ayant eu aucune instruction par le cas d'un malheur pareil à celui que je viens d'annoncer à V. M. I. et aucuns antécédents d'un tel décès hors de la capitale, m'ayant pourtant trouvé forcé de prendre une résolution sur le formel rapport que j'ai le devoir de faire à V. M. I.

nous nous sommes consultés avec le Prince Wolkonsky et avons cru bien faire de dresser pour un office d'une telle importance, un acte formel de décès fait en double en russe et en français, ayant gardé dans le dernier le titre de Roi de Pologne employé dans les actes diplomatiques et je viens de joindre à mon rapport un exemplaire de chaque langue gardant les doubles ici jusqu'à nouvel ordre de V. M. I.

J'ai envoyé en même temps à S. M. l'Impératrice Mère une lettre que j'ai l'honneur de présenter ici en copie et j'ai chargé le Général de service Patapoff de la remettre avec les précautions nécessaires à S. M. I. Dans l'absence de V. M. de Pétersbourg, je n'ai osé annoncer à personne d'autre une telle nouvelle, mais quand la maladie de S. M. commençait à devenir dangereuse, j'ai écrit au Prince Laponchine président du conseil, aux gouverneurs Généraux de St. Petersbourg et de Moscou et au Général Woyneff pour qu'une pareille catastrophe ne leur soit pas annoncée d'une manière inattendue. J'ai écrit de même aux comtes Wittgenstein et Sacken, au premier par le Général Kisseleff, sur la maladie de S. M. L'Empereur quand elle n'était pas encore à un aussi haut degré, par des lettres particulières secrètes.

Nous avons cacheté avec le Prince Wolkonsky les papiers qui se trouvaient dans le cabinet de S. M. l'Empereur; ils seront gardés tels jusqu'aux ordres de V. M. I., sans lesquels je n'ose pas non plus faire aucune disposition pour la marche des troupes et la destination des généraux et officiers supérieurs et subalternes dont nous manquons complètement ici pour faire le service selon le cérémonial usité.

J'ai cru enfin devoir envoyer avec cette dépêche le Lieutenant Petroffsky du corps des feldjagers, officier d'une fidélité éprouvée, espérant qu'elle arrivera de cette manière le plutôt possible. Je le ferais suivre d'un second feldjager qui n'aura pas d'autres dépêches, mais sera prêt de prendre celles de Petroffsky s'il lui arrivait quelque accident en route et aura un double de mon rapport et une copie de l'acte russe et français pour le cas peu vraisemblable qu'en cas d'un voyage de V. M. I., le Lieutenant Petroffsky se soit croisé avec votre route.

Je continuerai de même d'envoyer un jour après l'autre des Feldjagers à V. M. mais je garderai ici les papiers qui arriveront ici de Petersbourg, ne sachant pas si V. M. ne quittera pas Varsovie, autant que je n'aurai pas reçu vos ordres.

J'ose compter sur un généreux pardon de V. M. I. si en tout ce que je viens de vous soumettre, sire, je n'ai pas peut-être répondu à vos intentions, mais dans un cas aussi douloureux que nouveau, j'ai dû agir après mon meilleur entendement, me tenant à la loi existante

et m'ayant fait un honneur de prendre en tout les conseils du Prince Wolkonsky.

Daignez, sire, recevoir cette lettre avec indulgence ainsi que les sentiments d'une fidélité pure et d'un entier et soumis dévouement avec lequel j'ai le bonheur d'être de V. M. I. le très humble et très fidèle sujet J. Diebitsch.

Приложение къ всеподданнѣйшему писму ген.-ад. бар. Динича
N° 1. (N° 3) императору Константину Павловичу.

Отъ 19-го ноября, 1825 года.

Нижеподписавшіеся, находясь Екатеринославской губерніи въ г. Таганрогѣ при Высочайшей особѣ е. и. в., съ глубочайшею вѣрно-подданинческою скорбію свидѣтельствуемъ, что благочестивѣйшій государь императоръ Александръ Павловичъ, самодержецъ всероссійскій и пр. и пр. и пр., на возвратномъ пути изъ Крыма 3-го и въ особенности 4-го числа ноября почувствовалъ первоначально лихорадочныя припадки, коя скоро по прибытіи е. в. въ Таганрогъ 5-го числа оказались ослабляющею желчною лихорадкою, изъ коей образовалась впоследствии воспалительная жестокая горячка съ прилитіемъ крови въ голову. Сія болѣзнь увеличивалась съ быстротою и продолжалась съ такимъ упорствомъ, что всѣ непрестанно употребляемыя къ прекращенію ея врачебныя средства оставались тщетными. 15-го числа г. и. изволилъ приобщиться святыхъ таинъ. 17-го по утру въ положеніи е. в. примѣчена была нѣкоторая перемена, возбуждавшая слабый лучъ надежды къ облегченію страждущаго вѣщносна; но въ продолженіи того и послѣдующаго дней, при совершенномъ истощеніи послѣднихъ силъ е. в-на, горячка усиливалась съ сугубою жестокостію, 19-го же числа по полудни въ 10 часовъ и 50 минутъ г. и. отсталъ изъ сей жизни въ вѣчную. Все сіе, къ неописанной горести вѣрныхъ сыновъ Россіи, совершилось въ присутствіи е. и. в. г. и-цы Елизаветы Алексѣевны, которая во всю болѣзнь августѣйшаго ея супруга изволила быть при немъ неотлучно, причемъ и мы нижеподписавшіеся непрерывно находились. Настоящее свидѣтельство утверждаемъ подписаніемъ нашимъ въ двухъ экземплярахъ. Писано и подписано Екатеринославской губерніи въ городѣ Таганрогѣ. Ноября въ 19-й день 1825 года.

Членъ государственнаго совѣта генералъ отъ инфантеріи генералъ-адъютантъ князь Петръ Волконской.

Членъ государственнаго совѣта начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ.

Генералъ-лейтенантъ и генералъ-адъютантъ Чернышевъ.

He- Baronet Wylic, conseiller privé et Médecin de corps.

VIII.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Дибичу.

Варшава, 19-го ноября (1 декабря) 1825 г.

[Перев. съ франц.]. Сегодня вечеромъ, любезный генералъ, я получилъ ваше письмо отъ 12-го числа сего мѣсяца, адресованное на имя моего стараго друга Куруты, въ которомъ вы съ особенной любезностью извѣщаете меня о болѣзни нашего дорогаго и почтеннаго императора. Не смотря на всѣ утѣшенія, высказанныя въ вашемъ письмѣ, я никакъ не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ. Говорю вамъ откровенно, что, повинувшись лишь внушенію моего сердца, я немедленно отправился бы къ вамъ. Но къ сожалѣнію мои обязанности и мое общественное положеніе заставляютъ подавить эти чувства. Да внемлетъ Господь моей молитвѣ и да сохранитъ Онъ жизнь нашего дорогаго и прекраснаго императора; я молю его объ этомъ изъ глубины моего удрученнаго сердца и успокоюсь, лишь узнавъ, что всякая опасность миновала и что императоръ совершенно здоровъ. Ваше обѣщаніе, любезный генералъ, сообщать мнѣ о ходѣ болѣзни служить мнѣ знакомъ вашего вниманія, которое я исполнѣ цѣню и за которое прошу васъ принять мою благодарность. Съ особеннымъ вѣтерпѣніемъ рассчитываю на эти извѣстія, любезный генералъ. Мой братъ Михаилъ, находящійся у меня, и жена моя не знаютъ о нашемъ письмѣ; я скрылъ отъ нихъ и содержаніе его, считая это за лучшее: Богъ дастъ они узнаютъ одновременно о болѣзни и о издоровленіи. Прошу васъ, любезный генералъ, если найдете удобную минуту, повергнуть къ стопамъ любезнаго императора нашего мои искреннія чувства, а равно прошу васъ передать ему отъ меня, что я написалъ бы ему прямо, если бы не боялся обезпокоить его; да сохранитъ Господь императора! Признаюсь вамъ, любезный генералъ, что мнѣ стоитъ страшныхъ усилій скрывать мою тревогу. Я рассчитываю на ваше обѣщаніе, любезный генералъ, и прошу васъ принять утѣреніе въ совершенномъ уваженіи и дружбѣ, съ какою буду всегда преданный вамъ Константинъ.

Варшавѣ, 19 Novembre (1 Decembre) 1825.

C'est dans la soirée d'aujourd'hui, mon cher Général, que j'ai reçu votre lettre à l'adresse de mon vieil ami Kourouta, en date du 12 de ce mois et par laquelle vous avez l'attention de me prévenir de l'indisposition de notre cher et respectable Empereur. Malgré tout ce que vous voulez bien me dire de consolant dans votre lettre, il m'a été impossible de m'empêcher du sentiment pénible qu'elle a fait naître en moi. Je vous l'avoue franchement que si je n'en ai suivi que l'inspiration de mon cœur vous m'eussiez vu arriver auprès de vous. Mais malheureusement mes devoirs, la position publique dans laquelle je me trouve.... me faire aux sentiments de la nature. Que le bon Dieu qui m'entend daigne conserver les jours de notre cher et excellent Empereur, je Lui en fais la prière du fond de mon cœur qui est plein et qui ne pourra être tranquille que lorsqu'il saura tout danger parti et l'Empereur en parfaite santé. La promesse que vous me donnez, cher Général, de me tenir au courant de la maladie est une attention de votre part que je sais reconnaître et vous prie d'en agréer tous mes remerciements. J'y compte, cher Général, avec la plus vive impatience. Mon frère Michel qui est chez moi ainsi que ma femme ignorent votre lettre et son contenu, je leur ai caché et crois avoir bien fait et s'il plaît à Dieu leur apprendre à la foi maladie et guérison. Si vous trouvez un moment opportun pour me mettre aux pieds de notre cher Empereur, faites-le, cher Général, et dites lui de ma part que je lui aurai écrit directement si je n'eussiez pas crains de l'importuner et incommoder, que le bon Dieu daigne nous conserver l'Empereur! Je vous avoue, cher Général, qu'il faut que je réunisse toutes mes forces pour cacher tant que je pourrai toutes mes inquiétudes. Je compte sur votre promesse, cher Général, je vous prie d'agréer les assurances des sentiments d'estime et d'amitié que je vous porte et avec lesquels je ne cesserai d'être votre très sincèrement dévoué. Constantin.

IX.

ГЕН.-АД. БАРОНЪ ДИБИЧЪ—ИМПЕРАТОРУ КОНСТАНТИНУ.

Таганрогъ, 30-го ноября 1825 г. № 4 ¹⁾.

[Переводъ съ франц.]. Всемилоstinivšijj gosudar', согласно съ тѣмъ, что я имѣлъ честь изложить в. н. в., я отираваю сегодня фельдшера Петрова съ дубликатомъ моего вчерашняго донесенія № 2 къ в. н. в. и съ копіей актовъ, заключавшихся въ немъ, на случай, еслибы поручикъ Петровскій по какой нибудь непредвидѣнной случайности разбѣхался съ нами, государь.

Считаю долгомъ присоветовать, что курьеръ, пріѣхавшій вчера изъ Петербурга, не привезъ мнѣ никакихъ важныхъ извѣстій по воен-

¹⁾ Получено въ Варшавѣ 1-го декабря 1825 г. Отвѣщено письмомъ 2-го декабря 1825 г.

ной части. Я имѣлъ счастье получить письмо, которое в. н. в. соблаговолили написать мнѣ изъ Дрездена.

Соблаговолите, государь, принять мою живѣйшую благодарность за высказанныя мнѣ къ вамъ милостивыя слова. Пропу Господа даровать мнѣ силы, чтобы выказать вамъ эту благодарность моимъ усердіемъ къ службѣ вашей и тѣмъ оправдать довѣріе и милости ко мнѣ усопшаго августѣйшаго благодѣтеля моего.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ имѣю честь быть в. н. в. всеннжай-
шій и всеподданнѣйшій слуга ген.-ад. баронъ Дибичъ.

Taganrog Ce 20 Novembre 1826 ~~N. 4.~~

Sire, D'après ce que j'ai eu l'honneur de présenter à V. M. I. l'expédition aujourd'hui le Feldjäger Petroff avec le double de mon rapport d'hier N° 2 à V. M. I., et la copie des actes qu'il contenait, pour le cas si par quelque hasard imprévu le Lieutenant Petroffsky vous aurait manqué en route. Sire.

Je compte de mon devoir d'y ajouter que le courrier arrivé hier de ~~S~~ Petersbourg ne m'a rien apporté d'important pour ce qui regarde la partie militaire. J'ai eu le bonheur de recevoir la lettre que V. M. I. a bien voulu m'adresser de Dresde.

Daignez, Sire, agréer les sentiments de la plus vive reconnaissance pour tout ce qu'elle contient de gracieux pour moi. Puisse le Ciel me donner des forces pour vous le prouver par mon zèle dans votre service et me rendre digne par cela de la confiance et des bontés de mon Auguste bienfaiteur défunt. J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect de V. M. I. le très fidèle et très soumis sujet J. B. Diebitsch.

même temps.

Et la soumission la plus entière
Sire

X.

Ген.-ад. Чернышевъ—императору Константину.

Таланрогъ, 20-го ноября 1825 г. 5).

(Переводъ съ франц.). Всемилостивѣйшій Государь, повергающій стопамъ в. н. н. съ тѣмъ, чтобы высказать вамъ горе, превосходящее всякое воображеніе, горе, которое ваше собственное сердце, столь преданное августѣйшему брату вашему, испытываетъ сильнѣе всякаго другаго.

Осыпанный благодарениями и неоцѣнимыми знаками довѣрія покойнаго императора, во время тѣхъ 17 лѣтъ, какія я имѣлъ счастье служить при его особѣ, и смѣю надѣяться, что безупречное и рьяностное усердіе и постоянная вѣрность моя монарху докажутъ в. н. в., что я былъ достоинъ этихъ отличій.

¹⁾ Получено 27-го ноября 1825 г. из Варшавы.

Opst. Rodano in St. Anna. Kben. Leprosen

Глубоко проникнутый этими чувствами, которыя я имѣю себѣ за честь питать, до послѣдняго издыханія, къ особѣ в. в. и къ службѣ вашей, съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть, всемилостивѣйшій государь, в. и. в. вѣрноподданный А. Чернышевъ.

Taganrog. Le 20 Novembre 1825.

Sire. Je me jette aux pieds de V. M. I., pour y exprimer une douleur qui dépasse toute imagination et que son coeur, si tendrement dévoué à son Auguste Frère, éprouve plus profondément que tout autre.

Comblé de bienfaits et d'inappréciables preuves de confiance de feu l'Empereur, durant les 17 ans, que j'ai eu le bonheur d'être attaché à sa personne, j'ose espérer qu'un zèle pur et ardent et une fidélité religieuse pour mon Souverain, prouveront à V. M. I. que je n'en ai pas été indigne.

C'est profondément pénétré de ces sentiments que je me ferai gloire de professer pour le service et la personne de V. M., jusqu'à mon dernier soupir, que je suis avec le plus profond respect, sire, de V. M. I. se sujet le plus dévoué A. Czernicheff.

XI.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Диничу.

Варшава. 21-го ноября (3-го декабря) 1825 г. 11 часовъ вечера.

(Переводъ съ франц.). Второе письмо ваше, отъ 14-го числа сего мѣсяца, получено мною, любезный генералъ, сегодня вечеромъ. Вы конечно не сомнѣваетесь въ томъ горестномъ чувствѣ, какое было вызвано имъ. Признаюсь, мысли съ трудомъ вьжуются въ моей галонѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходится скрывать здѣсь отъ всѣхъ то, что я чувствую, чтобы не встревожить окружающихъ, начиная съ моего брата и жены. Всѣ мои мысли и всѣ мои молитвы обращены къ Богу съ просьбою сохранить нашего любимого и обожаемого монарха. Признаюсь откровенно, любезный генералъ, что я не могу освѣтиться съ мыслию о существованіи неминуемой опасности и постоянно лгую себя надеждою, что слѣдующее наше письмо выведетъ меня изъ того тревожнаго состоянія, въ которое повергли меня предъидущія ваши два письма. Можете сами судить въ какомъ состояніи я нахожусь, будучи такъ далеко отъ насъ. Только вы, любезный генералъ, могли вспомнить обо

^{*)} Собственноручное письмо цесаревича.

мнѣ при этомъ грустномъ и тягостномъ положеніи: будьте увѣрены, что я ничѣмъ буду благодаренъ вамъ за это. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ извѣстій и прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и дружбѣ, съ коими буду всегда неизмѣнимъ Константинъ.

P. S. Прошу васъ повергнуть мои искреннія чувства къ стопамъ нашего достойнаго и прекраснаго императора.

Varsovie. Ce 21 novembre (3 décembre) 1825 à 11 heures du soir.

Votre seconde lettre en date du 14 de ce mois vient d'arriver, cher général, dans la soirée. Vous ne devez pas douter j'en suis sûr du sentiment douloureux qu'elle m'a fait éprouver. Je vous avoue qu'il m'est difficile de réunir deux idées ensemble et de plus étant obligé de cacher au public entier d'ici ce qui se passe au fond de mon cœur pour ne pas l'effarmer et commence par en faire autant auprès de mon frère et de ma femme. Toutes mes pensées et toutes mes prières sont tournées vers le bon Dieu afin qu'il daigne nous conserver un maître chéri et vénéré. Je vous avoue franchement, cher général, que je ne puis me faire à l'idée d'un danger imminent et je me flatte constamment de l'espoir que votre première lettre me fera sortir de l'anxiété que les vœux précédentes ont fait naître. Jugez par vous même l'état dans lequel je dois me trouver dans mon éloignement. Il faut être vous, cher général, d'avoir songé encore à moi dans cette triste et douloureuse situation et croyez que je vous en conserverai une obligation constante. J'attends avec la plus vive impatience de vos nouvelles et vous prie d'agréer les assurances de l'estime et de l'amitié sincère que je vous porte et porterai toujours. Constantin.

P. S. Veuillez me mettre aux pieds de notre respectable et excellent empereur.

XII.

ЦЕСАРИВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ—ГЕН.-АД. БАРОНУ ДИШИЧУ.

Варшава. 22-го ноября (4-го декабря) 1825 г. 6 часовъ утра ¹⁾.

Курьеръ прибылъ въ 11 часовъ вечера.

(Переводъ съ франц.). Въ ту минуту какъ я отправлялъ вамъ второе письмо, любезный генералъ, сюда прибылъ фельдъегерь Федоровъ, котораго я задержалъ лишь съ цѣлью дать ему отдыхъ; пріѣздъ фельдъегеря привелъ меня въ такое состояніе, которое невозможно выразить, но которое вы легко поймете. Я подумалъ, что онъ привезъ роковое извѣстіе, но, благодаря Бога, ошибся въ этомъ случаѣ. Съ величайшимъ прискорбіемъ прочелъ я всѣ сообщаемыя вами подробности о ходѣ болѣзни волюбленнаго и прекраснаго императора и монарха нашего. Великое таинство произвело по-

¹⁾ Собственноручное письмо Цесаревича.

видимому такое впечатлѣніе, какого и слѣдовало ожидать, зная сердце нашего императора. Кризисъ, говорите вы, былъ сильный и послѣ него вашъ курьеръ уѣхалъ; это оставляетъ мнѣ нѣкоторую надежду, да услышитъ Господь мою мольбу и да возвратитъ онъ любящимъ и преданнымъ подданнымъ наиболѣе любимаго изъ всѣхъ земныхъ монарховъ. Прошу васъ, любезный генералъ, повергнуть къ его стопамъ мои искреннія чувства и не оставлять меня извѣстіями. Примите мою благодарность за вашу любезность и будьте увѣрены во всегдашнемъ моемъ уваженіи и искренней дружбѣ. Константинъ.

Varsovie. le 22 novembre (4 decembre) 1825 à 6 heures du matin.

Le courrier est arrivé dans la nuit à 11 heures.

C'est dans le moment même que je vous expédiai ma seconde lettre, cher général, que le feldjäger Feodorow est arrivé; je ne l'ai retenu que pour le laisser un peu reposer; l'apparition du Feldjäger m'a mis dans un état qui ne peut s'expliquer et vous devez bien vous le représenter. J'ai cru qu'il apportait la nouvelle fatale, mais grâce à Dieu j'ai été trompé. J'ai lu avec la plus vive douleur tous les détails que vous voulez bien me donner sur l'histoire de la maladie de notre cher et excellent Empereur et Maître. Il semble que l'acte auguste a fait son effet comme il le fera toujours sur une âme comme celle de l'Empereur. La crise, dites vous, a été violente et votre courrier est parti... une lueur d'espérance, que le bon Dieu exauce ma prière et nous rende à notre amour et affection le Maître le plus chéri qu'il y ait sur la terre. Mettez moi à ses pieds, cher general, et ne me laissez pas manquer de ses nouvelles. Tous mes remerciements pour votre obligeance, ainsi que les assurances de l'estime et de l'amitié sincère que je vous porte à tout jamais Constantin.

XIII.

Ген.-ад. бар. Дибичъ—императору Константину.

Таганрогъ. 23-го ноября 1825 г. № 5 ¹⁾.

(Переводъ съ франц.). Всемилостивѣйшій Государь, такъ какъ экстра-почта изъ Петербурга не прибыла вчера вечеромъ, то, въ ожиданіи ея, я задержалъ курьера на нѣсколько часовъ; она прибыла довольно поздно, но съ ней не было получено ничего особенно

¹⁾ Полученъ въ Варшавѣ 1-го декабря 1825 г. Ответствовано 4-го декабря.

(2. а. Б. Дибичъ)
Н. И. Козловъ

важнаго, тѣмъ не менѣе я отправлю фельдъегеря Кузьмина, такъ какъ о посылкѣ его я извѣстилъ в. и. в. въ предыдущихъ депешахъ. но если не будетъ получено важныхъ бумагъ и вообще не случится ничего особеннаго, то въ теченіи этой недѣли я не буду болѣе посылать фельдъегерей, не получивъ на то особеннаго приказанія отъ в. и. в.

Здоровье е. в. императрицы Елизаветы, не смотря на ея тяжкое горе, до сихъ поръ повидимому не особенно пострадало; въ ней замѣтна только большая слабость, весьма естественное послѣдствіе ея бессонныхъ ночей.

Считаю долгомъ извѣстить в. и. в., что е. в. покойный императоръ, получивъ извѣстіе о существованіи тайнаго общества, замышляющаго снова начать свои происки, приказалъ не задолго до своей кончины полковнику гвардейскаго казачьяго полка Николаеву, пользовавшемуся его особеннымъ довѣріемъ, отправиться въ Харьковъ съ цѣлью собрать свѣдѣнія и перехватить ихъ корреспонденцію. Судя по донесеніямъ, полученнымъ мною отъ него въ настоящее время, онъ не успѣлъ еще вполне исполнить эти приказанія, но изъ писемъ поручика Нѣжинскаго полка Вадковскаго, того самаго, который былъ исключенъ изъ кавалергардскаго полка за преступныя рѣчи, оказывается, что онъ принадлежитъ къ этому обществу и старается распространить его и что общество это имѣетъ самыя преступныя виды даже противъ нашего, государя, августѣйшаго семейства.

Я вновь предписалъ полковнику Николаеву преслѣдовать это дѣло и дать ему полномочіе арестовать Вадковскаго и забрать его бумаги, если обстоятельства подадутъ надежду раскрыть нить заговора.

Въ числѣ членовъ, сильно подозрѣваемыхъ въ участіи въ этомъ преступномъ обществѣ, однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ называютъ полковника Пестеля, командира вятскаго полка, стоящаго въ Лензѣ (Lengze) близъ Стесина, между Липовцомъ и Уманью. Если я узнаю что либо болѣе положительное, то я немедленно сообщу объ этомъ в. и. в. съ особеннымъ фельдъегеремъ.

Примите, и проч. баронъ Н. Дибичъ.

Taganrog. Ce 23 Novembre 1825. *№ 5.*

Sire. L'extraposte de St. Petersburg n'étant pas arrivé hier soir, j'ai arrêté le courrier de quelques heures pour l'attendre; elle vient d'arriver assez tard et n'a rien apporté d'important; j'expédie cependant le Feld'egher Kousmin, ayant annoncé cet envoi dans mes dépêches précédentes à V. M. I., mais s'il n'arrive point de papiers importants

Въ 1825. № 596.
Въ 1825.
Въ 1825.

ou aucun autre accident je n'enverrai plus le Feldjegher dans le cours de cette semaine à moins de ne pas recevoir des ordres de V. M. I.

La santé de S. M. l'Impératrice Elisabeth malgré sa profonde douleur paraît ~~ne~~ jusqu'à présent en souffrir sensiblement, excepté une grande faiblesse, suite naturelle de ses veilles continuelles.

Je crois de mon devoir d'annoncer à V. M. I. que S. M. l'Empereur défunt ayant reçu quelques indices sur une association secrète qui doit recommencer ses menées sourdes, avait ordonné peu avant sa mort au colonel Nikolaeff des cosaques de la garde, honoré de sa confiance particulière, d'aller à Charkoff pour suivre ces données et entre couper leur correspondance. D'après les rapports que j'ai reçu de lui actuellement, il n'a pas encore exécuté en entier ces ordres, mais il paraît par les lettres écrites par l'enseigne Wadkoffsky, du régiment de Neshin, le même qui a été renvoyé du régiment des chevaliers-gardes pour avoir tenu des propos criminels, qu'il appartient à cette secte et cherche à la propager, et qu'elle doit avoir les vues les plus criminelles même contre Votre auguste famille, Sire.

J'ai donné au Colonel Nikolaeff des nouvelles ordres de suivre davantage cette découverte, et des pleins pouvoirs pour prendre Wadkoffsky et ses papiers si les circonstances promettent de se saisir du fil de la chose.

Entre les membres qu'on soupçonne fort d'être de cette société criminelle on compte un des plus assidus le Colonel Pestel, chef du régiment de Wiatka, cantonné à Lenzy près de Staisin, entre Lepowetz et Ouman. Si je recevrai quelque chose de plus certain je ne manquerai pas de le soumettre à V. M. I. par un Feldjegher extraordinaire. Daignez Sire etc. J. Diebitsch.

*les sentiments de profond respect et
dévouement le plus sincère avec
lequel j'ai l'honneur d'être, Sire, de V. M. I.*

XIV. *le très humble et très fidèle*
J. B. Diebitsch

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ ген.-ад. бар. Дибичъ.

Варшава. 23-го ноября (5-го декабря) 1825 г. ¹⁾.

(Перев. съ франц.). Ваше четвертое письмо, любезный генералъ, я получилъ лишь сегодня вечеромъ въ восемь часовъ, по приѣздѣ фельд-егеря Велька и спѣшу искренно поблагодарить васъ за него. Подробно сти, сообщаемыя вами о ходѣ болѣзни нашего возлюбленнаго и прекраснаго монарха, служатъ мнѣ новымъ доказательствомъ вашего вниманія ко мнѣ, за которое я прошу васъ принять мою благодарность. Благо-

¹⁾ Собственноручное письмо Цесаревича.

даря Бога и судя потому, что вы сообщаете мнѣ въ своемъ письмѣ, во мнѣ вновь пробуждается надежда, такъ какъ вы положительно извѣщаете меня, что 17-го ноября вечеромъ въ болѣзни была замѣтна перемена къ лучшему. Не говорю вамъ о себѣ и о томъ состояніи, въ какомъ я нахожусь; ибо вамъ слишкомъ хорошо извѣстна моя преданность и мое искреннее расположеніе къ лучшему изъ братьевъ и монарховъ. Мое и безъ того тягостное положеніе ухудшается еще тѣмъ, что о болѣзни императора¹⁾ кромѣ меня знаютъ только мой старшій другъ Курута и мой врачъ¹⁾; вѣсть объ этомъ еще не дошла сюда, такъ что въ обществѣ мнѣ приходится казаться спокойнымъ, хотя изъ души у меня далеко нѣтъ такого спокойствія. Моя жена и братья ничего не подозреваютъ, такъ что мнѣ пришлось выдумать объясненіе по поводу прибытія вашего перваго фельдъегеря; точно также придется поступить сегодня. Если бы я повиновался одному внушенію моего сердца, то рануется давно уже былъ бы у васъ; но вы конечно сами поймете, что препятствуетъ мнѣ къ этому. Прошу васъ, любезный генералъ, сообщать мнѣ о ходѣ болѣзни нашего прекраснаго монарха. Да услышитъ Господь мою молитву и да возстановитъ онъ скорѣе здоровье государя. Я надѣюсь, что слѣдующее письмо ваше принесетъ мнѣ извѣстіе о значительной перемирѣ къ лучшему и поддержитъ во мнѣ надежду, возбужденную послѣднимъ письмомъ. Прошу васъ, любезный генералъ, повергнуть мои чувства къ стонамъ императора; передайте ему отъ меня, что я бы летѣлъ къ нему, если бы меня не удерживалъ здѣсь долгъ службы; это величайшая жертва съ моей стороны, которую я въ состояніи принести лишь вслѣдствіи моей преданности къ его особѣ и моего усердія къ его службѣ. Примите, любезный генералъ, увѣреніе въ моемъ всегдашнемъ уваженіи и дружбѣ, съ какою пребываю всегда преданный вамъ Константинъ.

P. S. 11 часовъ вечера. Курьеръ выѣзжаетъ завтра въ 5 часовъ утра. Я далъ ему нѣсколько часовъ отдыха.

Varsovie, le 23 Novembre (5 Décembre) 1825.

Votre quatrième lettre m'a été seulement remise, mon cher Général, par le Feldjäger Velch à son arrivée ici ce soir à huit heures et je m'empresse de vous en remercier bien sincèrement. Les détails que vous voulez bien me donner sur le cours de la maladie de notre cher et excellent Empereur est une nouvelle preuve de vos attentions pour

¹⁾ Д. с. с. Кучковскій, генералъ штабъ-докторъ.

moi et pour lesquelles je vous prie d'agréer toute ma reconnaissance. Grâce à Dieu et d'après ce que vous voulez bien me marquer dans votre lettre, mes espérances renaissent puisque vous me dites positivement qu'il y a eu le 17 Novembre au soir de l'amélioration. Je ne vous parle pas de moi et de l'état dans lequel je suis, vous connaissez depuis trop longtemps mon dévouement et attachement sincère pour le meilleur des maîtres et des frères pour en douter. Ce qui augmente à la pénible situation dans laquelle je me trouve ici, c'est qu'outre mon vieil ami Kourouta, mon médecin et moi, tout le monde ignore la maladie de l'Empereur et rien encore n'a transpiré sur son sujet, et par conséquent je dois affecter une sérénité et une tranquillité devant le public qui est loin de se trouver en moi. Ma femme et mon frère ne se doutent de rien et j'ai été obligé de faire un conte sur le compte de l'arrivée de votre premier feldjäger et j'en ferai de même sur le celui d'aujourd'hui. Si je n'en consulté que l'impulsion de mon cœur il y eut bon temps que vous m'auriez vu arriver. Mais vous devez bien juger vous même tout ce qui s'y oppose. Daignez, cher Général, me tenir au courant de l'état de la maladie de notre excellent maître. Que le bon Dieu exauce ma prière et lui rende promptement la santé. J'ai un de l'espoir que votre première lettre m'apprendra déjà un mieux réel et viendra appuyer l'espoir que la dernière m'a donnée. Mettez moi aux pieds de l'Empereur, cher général, et dites lui bien de ma part que si ce n'était son service qui me retenait ici, j'aurais volé auprès de lui, c'est le plus grand effort que je puis faire sur moi et qui ne part que du dévouement sacré que je porte à sa personne et à son service. Recevez, cher général, les assurances de mon estime et amitié sincère que je vous porte à tout jamais et avec laquelle je ne cesserai d'être votre tout dévoué Constantin.

P. S. A 11 heures du soir. Le courrier part demain matin à 5 heures. Je l'ai laissé respirer un couple d'heures.

XV.

ГЕНЕРАЛУ ОТЪ КАВАЛЕРІИ КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ—ГЕН.-АД. БАРОНУ ДИБИЧУ.

Москва. 23-го ноября 1825 года.

(Перев. съ франц.) Извѣстіе, которое я имѣлъ честь получить отъ в. пр-ва отъ 13-го ноября, поразило меня и повергло въ глубочайшую печаль. Надѣясь на милосердіе Божіе, что Онъ не отниметъ отъ насъ императора; безъ сомнѣнія искренни и горячи будутъ молитвы всѣхъ подданныхъ, которые унавоютъ объ угрожающемъ имъ

несчастій. Будьте такъ добры, любезный генералъ, извѣстить меня или поручить кому нибудь сообщить мнѣ подробности болѣзни е. и. и его выздоровленія, ибо только этотъ исходъ представляется мнѣ возможнымъ. Въ обществѣ до сихъ поръ ничего не знаютъ объ этомъ, кромѣ того, что императоръ пріѣхалъ съ дороги не совсѣмъ здоровый, но безъ сомнѣнія черезъ нѣсколько дней всѣ узнаютъ о болѣзни государя и, какъ всегда бываетъ, молва увеличится, переходя изъ устъ въ уста.

Повторяя еще разъ мою просьбу, прошу васъ принять утѣшеніе и проч. кн. Д. Голицинъ.

XVI.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Двигчу.

Варшава. 24-го полбра (6 декабря) 1825 г. ¹⁾.

(Перев. съ франц.). Фельдъегерь Поповъ прибылъ сегодня вечеромъ въ 7 часовъ съ вашимъ письмомъ отъ 18 числа сего мѣсяца, за которое, любезный генералъ, прошу васъ принять мою искреннюю благодарность. Хотя подробности, сообщаемыя нами, любезный генералъ, о ходѣ болѣзни нашего возлюбленнаго императора далеко не....., однако меня не покидаетъ надежда, основанная на собственномъ вашемъ письмѣ, которое, какъ мнѣ кажется, написано въ болѣе спокойномъ состояніи духа, нежели предыдущія. Дай Богъ, чтобы надежды мои были основательны; безъ сомнѣнія, никто такъ искренно и горячо не жаждетъ выздоровленія императора какъ я; лѣчу себя надеждою, что Господь по своему милосердію услышитъ меня и исполнитъ мою молитву. Отъ глубины души благодарю васъ за ваше любезное вниманіе. Потрудитесь, любезный генералъ, сообщить мнѣ всѣ подробности; пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить вамъ мое глубочайшее уваженіе и мое искреннее расположеніе, съ какимъ всегда пребываю преданный вамъ Константинъ.

P. S. Я желалъ бы, любезный генералъ, повергнуть мои чувства къ стопамъ нашего августѣйшаго и возлюбленнаго монарха.

Varsovie, le 24 Novembre (6 Decembre) 1825 ²⁾.

Le feldjäger Popow vient d'arriver ce soir à 7 heures porteur de votre lettre en date du 18 de ce mois, cher Grl, et pour laquelle je

¹⁾ (Принимая на воѣ): 10 часовъ вечера. Курьеръ уѣдетъ завтра въ 5 часовъ утра. Никто не знаетъ еще здѣсь о болѣзни императора, не исключая моей жены и брата.

²⁾ Собственноручное письмо цесаревича.

vous prie d'agréer tous mes plus sincères remerciements. Malgré que les détails que vous voulez bien me donner, cher Gré, sur le cours de la maladie de notre cher Empereur et Maître ne soient que....., je ne puis cependant me refuser à une lueur d'espérance basée sur votre propre lettre, qui me semble être écrite avec plus de calme et moins d'agitation que les précédentes. Dieu veuille que mes espérances soient fondées, personne certainement au monde ne fait des vœux plus sincères et plus ardents pour le rétablissement de l'Empereur que je ne les fait et j'ose me flatter de l'espoir que le bon Dieu daignera dans sa toute clémence m'entendre et les exaucer. Tous mes plus sincères remerciements vous sont offert du fond de mon cœur pour votre obligeante attention. Veuillez, cher général, continuer à ne me laisser rien ignorer et me tenir au courant. Je saisi cette occasion pour vous réitérer les assurances de ma profonde estime et de la sincère amitié que je vous porte et avec laquelle je ne cesserai jamais d'être votre tout dévoué Constantin.

P. S. Je voudrai, cher général, me mettre aux pieds de notre auguste et cher Maître.

(ПРИНЦЕСКА НА ПОЛЪ): à 10 heures du soir. Le courrier partira demain matin à 5 heures.

Tout le monde ignore encore ici la maladie de l'Empereur, ainsi que ma femme et mon frère.

XVII.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ—ГЕН.-АД. БАРОНУ ДИЕНЧУ.

Варшава. 25-го ноября 1825 г.

Баронъ Н. И.! Не можетъ быть печальнѣе извѣстія какъ потеря обожаемаго г. и., милостивца и благодѣтеля нашего. Нѣтъ мнѣри моего сокрушенія—я погруженъ въ неутишную скорбь, для изясненія которой не могу найти словъ. Въ отвѣтъ же на письмо ваше, которымъ испрашиваете моего разрѣшенія о распоряженіяхъ, какія принять надлежитъ, спѣшу васъ увѣдомить, что я остаюсь при твердомъ моемъ мѣстѣ товарищемъ вашимъ и посему ни въ какихъ распоряженіяхъ не могу пойти, а получите вы ихъ изъ С.-Петербурга отъ кого слѣдуетъ, о чемъ я вмѣстѣ съ симъ пишу и къ князю Петру Михайловичу Волконскому. Впрочемъ, ежели угодно будетъ вамъ при семъ случаѣ принять мой дружескій совѣтъ, я полагаю, что о всякихъ дѣлахъ, разрѣшенія отъ высочайшей власти требующихъ, должно

вамъ относиться изъ С.-Петербурга, а ко мнѣ подобныхъ представлений не присылать.

Затѣмъ прошу и пр-во принять утѣреніе во всегдашнемъ моемъ къ вамъ особенномъ уваженіи. Константинъ.

XVIII.

Генералъ отъ кав. Вонновъ—ген.-ад. барону Диничу.

С.-Петербургъ. 26-го Ноября 1825 г.

М. Г. баронъ Иванъ Ивановичъ! Богъ единое упованіе наше въ удрученныхъ горестію сердцахъ нашихъ, милосердіе его безмѣрно, неужели погрузятся миллионы въ бездну скорбей? Съ завтра прольются къ престолу Создателя теплѣйшія моленія о спасеніи и долголѣтствіи обожаемаго августѣйшаго больного; Боже единый, Творецъ премилосердый, услыши моленія наши, спаси намъ возлюбленнаго императора нашего, и продли жизнь его драгоцѣнную на безконечныя лѣта.

Утѣшайте, прошу васъ; Премилосердый, даруй, чтобы къ утѣшенію насъ сердцемъ и душою приверженныхъ. В. превосходительства, милостиваго государя, вкорѣнѣйшій слуга, Александръ В о н н о в ъ.

XIX.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Диничу.

Варшава. 27-го ноября 1825 г.

Баронъ Н. Н. Я получилъ вчерашняго числа съ фельдъегеремъ Петровымъ дубликатъ и. пр-ва отъ 19-го числа сего ноября, и потому ничего болѣе не остается мнѣ какъ сослаться на письмо мое къ вамъ вчерашняго числа отправленное; что всѣ распоряженія вамъ должно ожидать изъ С.-Петербурга или оттолъ испросить, затѣмъ обращаясь къ изъясненію вашихъ ко мнѣ чувствъ, я пріятною обязанности поставлю вновь и при семъ случаѣ повторить вамъ, что не токмо никогда къ нимъ не сомнѣвался, но напротивъ звалъ васъ съ самаго поручичьяго чина всегда былъ въ оныхъ удостовѣренъ и взаимно прошу васъ быть утѣренными въ таковыхъ же и съ моей стороны, равно какъ и въ особенномъ моемъ къ вамъ уваженіи и дружбѣ. Константинъ.

XX.

Журналъ чрезвычайнаго собранія государственнаго совѣта отъ 27-го ноября 1825 г.¹⁾.

Подписали:

Князь Петръ Лопухинъ, Князь Алексѣй Куракинъ, Николай Мордвиновъ, Вилгелмъ фонъ Дезинъ, Графъ Аркадій Морковъ, Князь Дмитрій Лобановъ Ростовскій, Графъ Литта, Князь Яковъ Лобановъ Ростовскій, В. Ланской, Василій Пашковъ, Иванъ Тутолминъ, Петръ Карповъ, А. Сукинъ, Татищевъ, Васильчиковъ, Князь Александръ Голицынъ, Графъ К. Нессельроде, Александръ Шинковъ, Егоръ Канкринъ, Кн. Сергій Салтыковъ, Алексѣй Болтинковъ, М. Сперанскій.

Итого: 22 члена.

XXI.

Бенковъ ¹⁾ — ген.-ад. барону Диничу.

С.-Петербургъ. 27-го ноября 1825 г.

[Переводъ съ франц.] Какое извѣстіе, генералъ, поразило насъ сегодня! какая утрата для Россіи, для Европы, для всего міра! горе сразило всѣхъ. Не думаю, чтобы настоящее письмо мое застало насъ въ Таганрогѣ. Мы присягнули императору Константину, такъ какъ великій князь Николай Павловичъ отказался отъ престола, оставленнаго ему по завѣщанію. Это поступокъ великій, полный великодушія и достойный великой души. Военный министръ приказалъ дежурному генералу прекратить посылку бумагъ къ в. пр-ву до полученія новаго приказа отъ императора Константина Павловича, къ которому онъ посылаетъ курьера; великій князь Николай Павловичъ также посылаетъ къ нему нарочнаго, поздравляя его съ восшествіемъ на престолъ. Могу себѣ представить, генералъ, ваше горе и ваше отчаяніе, мы любили его какъ человѣка, этого ангела доброты и

¹⁾ Не приводится здѣсь, такъ какъ документъ этотъ былъ уже своевременно напечатанъ въ книгѣ барона Корфа, но безъ указанія лица, подвѣсившаго журналъ.

Ред.

²⁾ Директоръ канцеляріи начальника главнаго штаба.

великодушія, этого единственнаго въ мірѣ монарха. Извините меня, генералъ, за мое маранье, взявъ во вниманіе горе, которымъ я удрученъ. О Боже! если бы я могъ десять разъ умереть за него. Примите и проч. Бибииковъ.

XXII.

Бюллетень о здоровьи Маріи Феодоровны.

С.-Петербургъ. Ноября 28-го 1825 г.

Е. и. в. государыня императрица Марія Феодоровна, благодаря Всевышняго, переноситъ несчастіе, всѣхъ насъ постигшее, съ примѣрною твердостью; государыня укрѣпляется истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ; здоровье ея величества хотя разстроено—но болѣзненныхъ припадковъ не терпитъ. Лейбъ-Медикъ Рюль.

Вѣрно, Дифуралъ Генералъ Котловъ.

XXIII.

Вел. кн. Николай Павловичъ—ген.-ад. барону Дибичу.

(Собственноручно) ¹⁾.

С.-Петербургъ. 28-го ноября 1825 г. Суббота.

Послѣ постигнаго насъ бѣдствія однимъ могли мы заплатить послѣдній долгъ тому, кто наше счастье чинилъ, покуда онъ былъ въ живыхъ. Его именемъ, видя, чувствуя какъ бы предъ его лицемъ, я принесъ присягу моему законному государю императору Константину Павловичу. Теперь моя совѣсть спокойна и предъ тѣмъ, котораго всю жизнь оплакивать будемъ и предъ законнымъ моимъ государемъ—а потомъ да будетъ воля Твоя!—

Съ искреннимъ душевнымъ удовольствіемъ долженъ я вамъ довести, что все послѣдовало моему примѣру; гвардія, городъ, все присягнуло; я самъ привелъ совѣтъ къ присягѣ при себѣ. Все спокойно и тихо, одни мы несчастные безутѣшные остались сироты!

Матушка, дражайшая матушка намъ примѣръ подаетъ твердаго христіанскаго смиренія: да хранить ее Богъ!

Если увидите государыню, если возможно напомните ей объ томъ, который изъ глубины души чувствуетъ за нее!

Если братъ у насъ, то вы вѣрно уже чрезъ него обо всемъ

¹⁾ На конвертѣ собственноручно: Его превосходительству барону Ивану Ивановичу Дибичу. Отъ Николая Павловича.

известны, мы съ вѣрнѣйшимъ ожидаемъ его приѣзда. Если его при насъ нѣтъ, то извѣдомляю васъ, что уже вчера, сейчасъ послѣ гибельнаго извѣстія, прямо отъ присяги послалъ я ему адъютанта своего съ моей присягой.

Пощадите за несчастнаго брата гробъ его благодѣтеля, помолитесь у него, чтобъ онъ меня не оставилъ; я имъ дышу, имъ дѣйствую; пусть онъ мнѣ предводительствуетъ!—вамъ искренний Н.

Петру Михайловичу всю мою дружбу!

XXIV.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Дибичу.

Варшава. 1-го декабря 1825 г.

Баронъ Н. И.—Я получилъ письмо в. пр.—ва отъ 23-го ноября съ фельдгегеремъ Кузьминимъ; благодарю васъ за извѣдомленіе о теченіи дѣлъ и весьма обрадованъ былъ, видя изъ письма нашего, что не смотря на глубочайшую горестъ, постигшую е. и. в. вдовствующую г. и. Елизавету Алексѣевну, здоровье ея поддерживается; я прошу васъ повергнуть меня къ стопамъ е. и. в.

При семъ случаѣ примите в. пр-во извѣренію моему къ вамъ всегдѣшняго уваженія и дружбы Константинъ.

XXV.

СЕКРЕТНО.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. бар. Дибичу.

Варшава. 1-го декабря 1825 г.

Баронъ Н. И. Я получилъ письмо в. п.—ва отъ 23-го минувшаго ноября съ фельдгегеремъ Кузьминимъ. Приношу вамъ благодарность за довѣренность ко мнѣ вашу извѣщеніемъ объ открывающемся злонамѣренномъ тайномъ обществѣ, и полагаю, если угодно будетъ вамъ принять въ семъ случаѣ мой совѣтъ, что не токмо къ открытію сего дѣла, но и къ совершенному оному искорененію необходимо слѣдуетъ не останавливаясь употребить со всею дѣятельностію рѣшительныя мѣры. Тѣ же самыя мѣры, по мнѣнію моему, надлежитъ принять и въ разсужденіи полковника Пестеля, на котораго падаетъ подозрѣніе въ участіи по сему обстоятельству, и в. пр.—во, какъ начальникъ Главнаго Штаба е. и. в., по высочайше предоставленной ему званию власти, можетъ дѣйствовать со всею требуемою въ такихъ слу-

чаяхъ рѣшительностію и принимать соотвѣтственные важности обстоятельствъ мѣры, заставляя каждаго, отъ кого зависѣть будетъ, исполнить все, то, что требуетъ долга всякаго, по возложенной на него обязанности.

Сія мысль излагаю вамъ единственно по тому уваженію, что в. пр.—во извѣстили меня о такомъ предметѣ, на который по важности дѣла надлежитъ обратить особенное вниманіе, а также по преданности моею къ покойному г. им.—ру, ибо поставилъ всегда священною обязанностию изяснить е. и. в. благодѣтелю моему со всею искренностію мысли моею во всякихъ подобныхъ случаяхъ.

Затѣмъ прошу насъ быть увѣренными во всегдашнемъ моемъ къ вамъ уваженію и дружбѣ. Константинъ.

XXVI.

Ген.-ад. Нейгардъ—ген.-ад. барону Днечу.

С.-Петербургъ. 1-го декабря 1825 г.

[Переводъ съ нѣмецкаго]. Великодушное отреченіе великаго князя Николая Павловича и неизвѣстность рѣшенія, которое приметъ е. в. государь императоръ, вотъ вопросы, занимающие всякаго и каждаго въ эту роковую минуту; обсужденіе ихъ не оставляетъ мѣста иной мысли, иному разговору. Великая скорбь о незабвенномъ покойномъ монархѣ, и первые два дня всѣ буквально плакали. Такимъ образомъ, волнуемые скорбью, ожиданіемъ и безпокойствомъ дни тянулись долго, слишкомъ долго, а служебныя обязанности исполняются съ обычной точностію и порядкомъ. Всюду царствуетъ тишина и чувствуется покорность неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія; всякое личное честолюбіе прикрылось покровомъ печали, чтобы не быть узаннымъ и разгаданнымъ. Вотъ по моему мнѣнію вѣрная картина современнаго Петербурга.

Состояніе здоровья ихъ величествъ государынь императрицы возбуждаетъ также всеобщій интересъ. Дворъ, весь городъ и народъ жаждутъ малѣйшаго извѣстія, поэтому я осмѣлился предложить графу Милорадовичу печатать о томъ бюлетени въ газетахъ, что я полагаю будетъ исполнено послѣ запроса, сдѣланнаго въ нижнему дворцѣ. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы также обнародовать официальное извѣстіе о болящихъ и кончивъ обожаемаго монарха нашего.

XXVII.

Дежурный генералъ Алексѣй Николаевичъ Потаповъ—Днищу.

С.-Петербургъ. 3-го декабря 1825 г.

М. Г. баронъ Иванъ Ивановичъ. Сего числа въ пять часовъ по полуночи прибылъ сюда изъ Варшавы е. и. в. Михаилъ Павловичъ, онъ выѣхалъ 26-го ноября — несчастнѣйшее извѣстіе получено изъ Варшавы въ ночь съ 25-го на 26-е. До отъѣзда е. в.—ва войска и городъ ничего не знали. Е. и.—во адѣсь, ни съ кѣмъ не говорить о томъ, что болѣе всего теперь интересуется—кажется нѣчто скрывается! При дворѣ и въ публикѣ возникаютъ нѣкоторые соображенія и сомнѣнія на счетъ будущаго!

Сего вечера въ 10-ть часовъ отправленъ въ Варшаву подворучникъ Бѣдоусовъ съ деньгами отъ императрицы и е. в. Николая Павловича, въ 12-ть часовъ туда же отправился д. с. с. Опочининъ, по полѣ е. в. Николая Павловича, съ чѣмъ—не извѣстно!

Сего дня получено извѣстіе и доведеніе отъ московскаго военнаго генералъ-губернатора — что сенатъ, синодъ, войска и вся Москва присягнули на вѣрность и подданство его величеству государю императору Константину Павловичу.

По распоряженію графа Милорадовича и кажется съ согласія министра просвѣщенія, сегодня высланъ отсюда въ Каганъ господинъ Магницкій—фельдъегерь, проводилъ его до первой станціи.

Впрочемъ адѣсь царствуетъ тишина и спокойствіе. Съ особеннымъ уваженіемъ и пр. Алексѣй Потаповъ.

XXVIII.

Ген.-ад. бар. Днищъ—цесаревичу Константину.

Тавричь. 4-го декабря 1825 г. ¹⁾.

(Переводъ съ франц.). Ваше высочество, я имѣлъ честь получить письма, которыя в. и. в. соблаговолили написать мнѣ отъ 26 и 27 ноября и видѣлъ также письма ваши къ князю Волконскому отъ тѣхъ же чиселъ.

Соблаговолите, ваше высочество, принять мою глубочайшую бла-

¹⁾ Получено изъ Варшавы 11-го декабря 1825 г. Отвѣствовано 11-го дек.

годарность за высказаніе въ нихъ вновь знаки вашего благоволенія и за довѣріе, которое вамъ угодно оказать намъ.

Молю Господа доставить мнѣ случай доказать вамъ, что я достоинъ этого довѣрія, и убѣдить васъ въ тѣхъ чувствахъ глубочайшей признательности, которая я питаю къ вамъ столько лѣтъ и той совершенной и искренней преданности, съ какою имѣю счастье быть в. и. в. всеижедайшій слуга. И. Дибичъ.

Taganrog. Ce 4 décembre 1825.

Monseigneur. J'ai eu l'honneur de recevoir les lettres que V. A. I. a daigné m'adresser en date du 26 et 27 novembre et j'ai vu celles adressées au Prince Wolkonsky du même date.

Veillez, Monseigneur, agréer ma profonde reconnaissance pour les nouvelles marques de votre bienveillance qu'elle contient ainsi que pour la confiance dont Vous avez daigné nous honorer.

Puisse le Ciel me donner l'occasion de prouver que je n'en suis pas indigne ainsi que les sentiments de la profonde reconnaissance que je Vous voue depuis tant d'années et du dévouement entier et sincère avec lesquels j'ai le bonheur d'être, Monseigneur, de V. A. I. le très humble et très obéissant serviteur J. Diebitsch.

XXIX.

Е. И. Величества начальника Главнаго Штаба рапортъ.

Таганрогъ. 4-го декабря 1825 г.

Покойный государь императоръ Александръ Павловичъ во время болѣзни своей соизволилъ вручить мнѣ прилагаемую при семъ открытую бумагу отъ главноуправляющаго почтовымъ департаментомъ д. т. с. князя Голицына, съ тѣмъ, чтобы я представилъ оную е. в. при первомъ докладѣ. Но не имѣвъ сего счастья за усилившеюся болѣзнию и наконецъ за послѣдовавшею кончиною е. в., я имѣю долгъ бумагу сію представить при семъ на усмотрѣніе в. и. в. — Равномѣрно имѣю счастье представить при семъ в. и. в. и другую запечатанную бумагу отъ него же, князя Голицына, которую доставилъ ко мнѣ таганрогскій почтмейстеръ уже по кончинѣ императора Александра Павловича, объявляя, что она прислана къ нему отъ сиб. почтъ-директора, какъ весьма важная бумага.

XXX.

Ранпортъ дежурнаго генерала на имя ген.-л. Куруты.

С.-Петербургъ. 5-го декабря 1825 г. ¹⁾.

Съ разрѣшенія е. и. в. великаго князя Николая Павловича отправляя къ *Т. И.* полученныя здѣсь на высочайшее е. и. в. имя конверты, и долгомъ считаю препроводить оныя при семъ къ и. пр. для представленія его величеству. При семъ имѣю честь довести, что всѣ пакеты на высочайшее имя *Т. И.*, какіе получены мною по 3-е число сего мѣсяца, отправлены въ Таганрогъ къ ген.-ад. барону Дибичу. Дежурный генералъ Потаповъ.

XXXI.

В. Ч. А.
№ 975 Дежурный Генералъ
Ген.-ад. Потаповъ—ген.-ад. бар. Дибичу.

С.-Петербургъ. 8-го декабря 1825 г.

М. г. бар. П. И. 5-го декабря въ шесть часовъ по полудни е. в. Михаилъ Павловичъ изволилъ отправиться обратно въ Варшаву—взявъ съ собою трехъ фельдъегерей.

6-го къ вечеру императрица изволила получить по эстафетѣ отъ императора письмо, вслѣдствіе котораго того дня бюллетень прилагается.

7-го возвратился изъ Варшавы фельдъегерь, посланный 27-го ноября отъ военнаго министра къ ген.-лейт. Курутѣ съ отношеніемъ и сенатскимъ указомъ—о приведеніи къ присягѣ литовскаго корпуса и прочихъ русскіихъ войскъ; Курута доноситъ рапортомъ ²⁾—«что по повелѣнію его высочества государя, отношеніе и при ономъ приложенные два печатные листа (сенатскій указъ и присяжный листъ) возвращаются, и что по онымъ, по войскамъ Литовскаго корпуса никакого исполненія не сдѣлано!»—кажется, что наша участь еще не рѣшена!

Сего числа въ 3 часа по полуночи е. в. Николай Павловичъ отправилъ въ Варшаву съ нарочнымъ фельдъегеремъ два письма на имя е. в. Михаила Павловича.

Вчера я отправилъ къ и. пр—ву срочнаго фельдъегеря, потому

¹⁾ Получено въ Варшавѣ 14-го декабря 1825 г. Отвѣтствовано 15-го декабря.

²⁾ Отъ 3-го декабря.

что императрица изволила поручить письма полковнику Герману Рапорты военного генераль-губернатора и пр. на имя государя бумаги о. в. Николай Павловичъ приказалъ отправлять въ Варшаву. Не прикажете ли приостановиться отправлять къ намъ доклады и приказы.

По сію минуту здѣсь все тихо, покойно и съ нетерпѣніемъ ждутъ государя—дай Богъ, чтобы все кончилось къ лучшему!

Е. в. Николай Павловичъ приказалъ воен. ген.-губ., чтобы фельд-егери изъ Варшавы пріѣзжихъ отъ заставы провожали прямо къ нему съ каракомъ!

Графъ Аракчеевъ пріѣхалъ въ столицу изъ Нѣгорода въ ночь съ 6 на 7 число, остановился въ своемъ домѣ, нездоровъ и никого не принимаетъ!

Въ ожиданіи имѣть наипріятнѣйшее удовольствіе насъ скорѣ видѣть, съ особеннымъ уваженіемъ и пр. Потаповъ.

XXXII.

Дежурный генералъ Алексѣй Никол. Потаповъ—г.-лейт. Курютъ.

С.-Петербургъ. 8-го декабря 1825 г.

Почтеннѣйшій благодѣтель Дмитрій Дмитриевичъ. Не ужель—государь оставитъ насъ!—Онъ вѣрно не изволитъ знать—что Россія боготворитъ его и ожидаетъ какъ ангела хранителя своего! Почтеннѣйшій Д. Д., доложите государю—молите его за всѣхъ насъ! Спасите Россію! Онъ отецъ Россіи—онъ не можетъ отказаться отъ нее, и если мы осиротѣемъ будемъ несчастны—онъ Богу отмщать будетъ.

Умоляющій васъ, и преданный намъ Алексѣй Потаповъ.

Помѣта: Получено въ Варшавѣ 12-го декабря 1825 г. Отлѣтѣлавно 12-го декабря. 1825 г.

XXXIII.

Ген.-ад. баронъ Дибичъ—ген.-л. Курютъ.

Таганрогъ. 8-го декабря 1825 г. ¹⁾

[Переводъ съ франц.] Вы легко можете себя представить, любезный генералъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи я нахожусь. Получивъ рескриптъ отъ 26-го ноября, я спокойно ожидалъ вѣстей изъ Петербурга. Но получивъ собственноручное пись-

¹⁾ Получено въ Варшавѣ 15-го декабря 1825 г.

мо е. и. в. великаго князя Николая Павловича и другія донесенія его высочества, зная, что государственный совѣтъ, сенатъ и гвардія, а равно и обѣ столицы присягнули е. и. в. императору Константину Павловичу и что присяга эта приносится во всей имперіи согласно указамъ, посланнымъ сенатомъ и военнымъ министерствъ, и получивъ изъ Петербурга пакеты на имя е. и. отъ синода, отъ графа Грабоваго и другихъ, я не смѣю задержать ихъ, предполагая, что въ нихъ заключаются, можетъ быть, дѣла, не терпящія отлагательства, и отправляю къ е. и. съ этими бумагами фельдъегеря Гусева.

Зная расположеніе къ намъ вашего монарха, любезный генералъ, и надѣясь на его благосклонность ко мнѣ, прошу васъ высказать все это е. и. и съ своей стороны излагаю все это государю въ моемъ письмѣ подъ № 6. въ которомъ я сообщаю также весьма важныя подробности о томъ дѣлѣ, по поводу котораго я писалъ и получилъ съ фельдъегеремъ Кузминнымъ отиѣтъ отъ 1-го числа сего мѣсяца. И такъ прошу васъ, любезный генералъ, передать это письмо е. и. въ собственныя руки, разъяснивъ ему то, о чемъ я сейчасъ говорилъ.

Князь Волконскій, съ которымъ я продолжаю совѣтоваться во всемъ, не совсѣмъ здоровъ, впрочемъ изъ болѣзни его нѣтъ ничего серьезнаго. Онъ жалуется на разстройство желудка, принимаетъ лекарство и не выходитъ изъ своей комнаты. Я страдаю почти тѣмъ же, но могу выходить и заниматься дѣлами; Волконскій также не оставляетъ дѣлъ. Я полагаю, что этого недугъ составитъ лишь послѣдствіе всего случившагося и продолжающагося до сихъ поръ тревожнаго состоянія.

Повторяю вамъ, мы оба въ состояніи заниматься дѣлами и сдѣлать все, что вамъ прикажутъ.

Прощайте, любезный генералъ. Будьте утѣрены въ искренней дружбѣ преданнаго вамъ И. Дибича.

Taganrog. Ce 8 Décembre 1825.

Mon cher Général. Vous pouvez bien vous imaginer, cher Général, dans quelle situation difficile je me trouve. Après avoir reçu le rescrit du 26 Novembre j'ai resté dans l'attente tranquille de ce que nous arriverait de St-Petersbourg. Mais ayant reçu une lettre autographe de S. A. I. le Grand Duc Nicolas, et d'autres rapports que Son Altesse, le conseil et le Senat et la Garde, ainsi que les deux résidences ont prêté serment de fidélité à S. M. I. l'Empereur Constantin et que ce serment se prête dans tout l'Empire d'après les ordres envoyés par le Senat et le Ministre de la Guerre, de plus j'ai reçu des paquets de St. Petersburg pour Sa Majesté du Synode, du comte Graboffsky et autres, je n'ose pas les retenir, ne sachant pas s'il n'y a pas des affaires qui ne demandent aucun retard, et j'envoie donc le feldjagher Gousseff avec tous ces papiers à S. M.

Sachant les sentimens que notre maître vous porte, cher Général, et me flattant de ses bontés pour moi, je vous prie de vouloir bien soumettre tout cela à S. M. auquel je m'explique de même dans ma lettre N° 6, qui contient en même temps des détails importants sur l'affaire sur laquelle j'ai écrit et reçu réponse par le feldjeger Koussine, la réponse datée du 1er de ce mois. Je vous prie donc de vouloir bien la mettre en mains propres de S. M. en lui expliquant ce que je viens de vous écrire, cher Général.

Le Prince Wolkonsky avec lequel je continue de concerter sur tout ne se porte pas très bien, ce n'est pourtant rien de conséquent. Il se plaint d'un estomac faible et garde sa chambre, prenant quelque médecine. Je me trouve à peu près aussi dans le même état, mais je puis pourtant sortir et faire toutes mes affaires, ce que fait aussi Wolkonsky. Je crois que cette espèce d'indisposition n'est qu'une suite de tout ce qui s'est passé et se passe.

Je vous répète que nous sommes tous les deux tout à fait à même et prêt à faire tout ce qu'on nous ordonnera.

Adieu, cher Général. Soyez sûr de l'amitié sincère de votre tout dévoué J. Diebitsch.

Помѣта: Получено въ Варшавѣ 15-го декабря 1825 г.

XXXIV.

Ген.-ад. баронъ Диничъ—императору Константину ¹⁾.

Таганрогъ. 8-го декабря 1825 г. N° 6.

[Переводъ съ франц.]. Всемилостивѣйшій государь, если при настоящихъ, болѣе чѣмъ необыкновенныхъ событіяхъ, пренебреженный при видѣ земныхъ останковъ обожаемаго монарха, я дѣлаю ошибку, посылая вамъ донесеніе послѣ рескрипта, коимъ вы удостоили меня отъ 26-го ноября, то я прошу у васъ, государь, великодушію простить меня и смѣю рассчитывать на это прощеніе въ виду всѣхъ милостей, коими в. в. всегда удостоивали меня.

И долженъ присовокупить здѣсь, государь, что в. в. императрица Елисавета весьма тронута участіемъ в. в. и переноситъ до сихъ поръ свое несчастіе съ удивительнымъ мужествомъ.

Что касается дѣла Вадковскаго и Пестеля, то я не имѣю еще извѣстій отъ полковника Николаева, посланнаго съ цѣлью перехватить корреспонденцію перваго изъ нихъ и арестовать самаго виновнаго, если обстоятельства потребуютъ того; я послалъ также генерала Чернышева арестовать Пестеля, захвативъ и его бумаги, и поручилъ ему посоветоваться съ графомъ Витгенштейномъ о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять, если онъ откроетъ еще виновныхъ. Въ то же

¹⁾ Получено въ Варшавѣ 15-го декабря 1825 г. Отвѣщено 15-го декабря.

время я уведомилъ секретнымъ образомъ графа Сакена и согласно приказанію в. н., данному мнѣ 26 ноября, я послалъ донесеніе въ Петербургъ со слѣдующей надписью: «Его Императорскому Величеству отъ начальника главнаго штаба всеподданнѣйшій докладъ, въ собственныя руки». Докладъ этотъ я послалъ съ полковникомъ, барономъ Фредериксомъ, исполняющимъ здѣсь должность коменданта, не сказавъ ему ничего о содержаніи этого донесенія, но приказавъ ему, въ случаѣ отсутствія Государя изъ Петербурга, передать этотъ докладъ его высочеству, великому князю Николаю Павловичу съ просьбою распечатать его.

Мнѣю честь предстивить В. В. этотъ докладъ въ черновомъ спискѣ, который одинъ остался у меня и такъ какъ я не имѣю времени на переписку его, то я прошу у в. в. извиненія за отправку его, и убѣдительно прошу в. в. прислать мнѣ его обратно, если намъ не угодно будетъ дать мнѣ новыхъ приказаній по этому поводу ¹⁾.

Осмѣливаюсь въ то же время высказать в. н. в мое мнѣніе о томъ, что это общество не имѣетъ еще повидимому никакого вліянія на войско, которое во всѣхъ случаяхъ выказываетъ самое лучшее настроеніе, но что повидимому цѣль этого общества именно клонится къ тому, чтобы совратить тайнымъ образомъ этотъ духъ и увеличить число недовольныхъ, чѣмъ оно могло бы воспользоваться; поэтому я нахожу, что слѣдуетъ положить конецъ этому ужасному заговору.

Я полагаю, что прежде нежели это письмо дойдетъ по назначенію, я уже получу дальнѣйшія и положительныя приказанія. Каковы бы они ни были, я приму ихъ и исполню съ совершенной покорностью и съ величайшей точностью и при всякомъ случаѣ усерднымъ исполненіемъ моихъ обязанностей постараюсь доказать мою совершенную преданность и глубочайшую признательность, съ какою имѣю счастье быть, в. н. в., всеижайшій и всепокорнѣйшій вѣрноподданный баронъ Н. Дибичъ.

Taganrog. Ce 8 Décembre 1825. ~~Н. Д.~~

Sire, si dans les circonstances plus qu'extraordinaires dans lesquelles nous nous trouvons, le coeur plein de douleur près des restes terrestres d'un maître adoré, je fais une faute en vous envoyant mon rapport après le rescript dont vous m'avez daigné honorer, du 26 novembre, je vous demande un généreux pardon, sire, et j'ose en être persuadé par toutes les marques de grace dont v. m. a toujours daigné m'honorer.

¹⁾ На надѣ рукой цесаревича записано карандашомъ: «отослан».

Je dois ajouter, sire, que s. m. l'impératrice Elisabeth bien sensible à l'intérêt que v. m. lui porte, continue de soutenir son malheur avec la force d'âme la plus étonnante.

Pour ce qui regarde l'affaire de Wadkoff-ky et Pes'el, je n'ai pas encore des nouvelles du Colonel Nicolaëff envoyé pour chercher à intercepter la correspondance du premier et le coupable lui même, si les circonstances le demandaient, et j'ai envoyé le général Czernicheff pour prendre Pestel et ses papiers et concerter avec le comte Wittgenstein sur les moyens à prendre s'il découvre d'autres coupables. J'ai averti en même temps sous secret le Comte Sacken, et suivant les ordres que V. M. m'avait donné du 26 novembre, j'ai fait mon rapport à Petersbourg sous l'adresse: ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ОТЪ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНАГО ПИТАНА ВСПОМОЩАТЕЛЬНІЙ ДОКЛАДЪ ВЪ СОБСТВЕННЫЯ РУКИ, et je l'ai envoyé par le Colonel Baron Frederiks faisant ici les fonctions de commandant, sans lui rien dire du contenu, mais en lui ordonnant qu'en cas d'absence du souverain de St. Petersbourg il remette ce rapport à son Altesse le grand Duc Nicolas avec la prière de bien vouloir le décacheter.

J'ai l'honneur de présenter à V. M. ce докладъ en brouillon qui me restant seul et n'osant pas perdre un temps considérable pour le recopier, j'ose en demander pardon à V. M. de cet envoi et la supplier de bien vouloir me le renvoyer si Vous ne me donnerez pas d'autres ordres sur cet objet, sire ¹⁾.

J'ose en même temps soumettre à V. M. I. mon humble opinion que toute cette secte paraît encore sans aucune influence sur la troupe même qui partout et à toutes les occasions fait preuve du meilleur esprit, mais que leur but affreux paraît justement de chercher à gâter sourdement cet esprit et à augmenter le nombre des mécontents pour en profiter, que je crois donc qu'il faut couper court à ces abominables trames.

Je présume qu'avant que cette lettre puisse atteindre sa destination, j'aurai déjà des ordres ultérieurs et décisifs. Tels ^{тѣхъ} ~~quels~~ soient je les recevrai et exécuterai avec la soumission la plus profonde et la plus grande exactitude et je chercherai—dans toutes les situations où je me pourrai trouver de prouver par le zèle que je mettrai à remplir mes devoirs, les sentiments de la plus profonde soumission et de la reconnaissance la plus sincère, avec lesquelles j'ai l'honneur d'être, Sire, de V. M. I. le très fidèle et très soumis sujet J. Br. de Dibitsch. |c

¹⁾ Рукою цесаревича написано карандашомъ: «Па été».

XXXV.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ — г.-л. барону Диевичу.

Варшава. 11-го декабря 1825 г.

Баронъ Н. И. Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше отъ 4-го сего декабря. Весьма благодарю васъ за содержаніе оного, будучи всегда увѣреннымъ въ вашихъ ко мнѣ чувствахъ; при семъ случаѣ мнѣ весьма пріятно сказать в. пр—во, что мы трое, т. е. князь Петръ Михайловичъ, вы и я, какъ были при жизни вѣчно достойной памяти покойнаго г. им—ра благодѣтеля нашего, усердные, преданные и вѣрные его слуги, такъ и по кончинѣ его ни мало не перемѣнились, и остались таковыми же, исполняя свято и ненарушимо священную его волю; что дѣлается въ С.-Петербургѣ, я не вмѣшиваясь въ оное, но только скажу вамъ, что я по сей день остаюсь по милости всемогущаго Творца непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи и въ исполненіи воли покойнаго г. им—ра.

Примите, в. пр—во, увѣреніе особеннаго моего къ вамъ всегдашняго уваженія Константинъ.

XXXVI.

Ген.-ад. баронъ Диевичъ — императору Константину ¹⁾.

Таганрогъ. 11-го декабря 1825 г.

(Переводъ съ франц.). Всеимостивѣйшій государь, считаю долгомъ немедленно сообщить вамъ продолженіе донесеній полковника гвардейскаго казачьяго полка Николаева.

В. И. В. увидите отчетъ о его дѣйствіяхъ изъ прилагаемой при семъ выписки, писанной рукою самаго полковника Николаева.

Преступленіе прапорщика Вадковскаго, доказанное его собственнымъ письмомъ къ полковнику Пестелю, вынуждаетъ по моему мнѣнію принять немедленное рѣшеніе, поэтому я послалъ вчера полковника Николаева въ Курскъ съ тѣмъ, чтобы немедленно арестовать Вадковскаго, захватить его бумаги и отправить его съ надежнымъ фельдъегеремъ въ Шлиссельбургъ; бумаги же его, которыя мы надѣемся отыскать въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ихъ причетъ, доставить мнѣ. Я принялъ мѣры предосторожности къ тому, чтобы въ обществѣ

¹⁾ Получено въ Варшавѣ 17-го декабря 1825 г. Отвѣтствовано 18 го декабря.

думали, что Вадковскаго арестуютъ лишь за неосторожныя рѣчи и что его отправляютъ въ Архангельскъ.

Такъ какъ мѣры, принятія противъ полковника Пестеля, не могутъ долго оставаться тайною, то я не смѣлъ откладывать арестъ Вадковскаго тѣмъ болѣе, что въ его писмѣ находится довольно данныхъ для того, чтобы энергично прослѣдить нить этого заговора и я надѣюсь, что бумаги Вадковскаго доставятъ намъ еще новыя свѣдѣнія.

Съ этимъ же фельдъегеремъ я сообщаю эти извѣстія и генералу Чернышеву, чтобы онъ могъ воспользоваться ими въ дѣлѣ Пестеля; въ то же время я скажу ему, чтобы онъ донесъ в. в. въ томъ случаѣ, если онъ узнаетъ что нибудь важное, но тѣмъ не менѣе продолжалъ бы, въ силу рескрипта, даннаго 26-го ноября, посылать свои доклады на высочайшее имя въ собственныя руки въ Петербургъ; тоже самое сдѣлаю я и съ своей стороны, пошлавъ сегодня же официальное доносеніе.

Соблаговолите, Всемилостивѣйшій государь, принять изъявленіе въ совершенной преданности и покорности, съ коими имѣю счастье быть, в. и. в. всенужайшій и всепокорнѣйшій вѣрноподанный баронъ И. Дибичъ.

Taganrog. Ce 11 Décembre 1825.

Sire. Mon devoir m'ordonne de ne pas retarder à vous soumettre la suite de l'envoi du Colonel Nikolaeff des cosaques de la Garde.

V. M. I. en verra l'exposé dans un extrait ci joint écrit de la main du Colonel Nikolaeff.

Le crime de l'enseigne Wadkoffsky prouvé par sa propre lettre au Colonel Pestel m'a paru mériter une prompte résolution, j'ai donc renvoyé hier le Colonel Nikolaeff à Koursk pour arrêter incessamment Wadkoffsky et ses papiers, l'envoyer lui à Schlussembourg avec un Feldjegher sûr et m'apporter les papiers, que nous espérons trouver dans l'endroit où il les cache. J'ai pris des mesures pour que l'on croie qu'on arrête Wadkoffsky seulement pour des propos indiscrets et qu'on l'envoie à Archangel.

Comme les mesures qui ont été prises contre le Colonel Pestel ne pourront pas rester longtemps en secret, je n'ai pas osé différer l'arrestation de Wadkoffsky, d'autant plus qu'il y a assez de données dans sa lettre pour suivre cette trame avec vigueur et que j'espère que les papiers de Wadkoffsky en fourniront encore.

Je communique avec le même Feldjegher ces nouvelles au Général Czernicheff pour s'en servir contre Pestel; je lui dirai en même temps

de rapporter à V. M. s'il a découvert quelque chose d'important, mais de continuer en même temps d'après les ordres donnés, en vertu du rescrit du 26 Novembre, d'envoyer ses rapports sous l'adresse auguste en main propre à St. Petersbourg, ce que je ferai de même par un rapport officiel encore dans la journée d'aujourd'hui.

Daignez, Sire, agréer la soumission fidèle et l'entier dévouement avec lesquels j'ai le bonheur d'être Sire de V. M. I. le très-humble et très-fidèle sujet J. B. Diebitsch.

XXXVII.

Г.-ад. Б. Дибичъ—императору Константину ¹⁾.

Таганрогъ. 11-го декабря 1825 г.

[Переводъ съ франц.] Всевлостивѣйшій Государь, изъ официалнаго донесенія, представляемаго мною в. и. в., вы усмотрите, что получивъ отъ градоначальника указъ сената, повелѣвающій прислать в. и. в., долгъ этотъ былъ исполненъ вчера въ двѣнадцать часовъ два. Преданный вамъ, государь, по долгу и по личному чувству, и съ покорностью ожидаю вашихъ приказаній и каковы бы онѣ ни были, я служу въ точности исполнить ихъ.

Сегодня въ десятомъ часу утра мы проводили тѣло августѣйшаго монарха и благодѣтели нашего въ адѣйшій греческій монастырь; перемѣщеніе это было необходимо, чтобы его августѣйшія останки не оставались слишкомъ долго въ обитаемомъ жилищѣ; я приказалъ еще прибыть сюда 6-му эскадрону гвардейскихъ казаковъ, только что вернувшихся на Донъ, а равно Гетманскому полку и полуротѣ казачьей артиллеріи, которые успѣли прибыть сюда во время.

Въ здоровьи е. в. императрицы Елизаветы Петровны нѣтъ замѣтной перемѣны, она все еще очень слаба и чрезвычайно груститъ. Е. В. сооблаговолила возложить на меня порученіе выразить в. в., что она весьма тронута памятью о ней в. в.

Соблаговолите, и проч., В. И. В. всеніяжайшій и всепокорнѣйшій вѣрноподданный. Баронъ И. Дибичъ.

Таганрог, Ce 11 Décembre 1825.

Sire. V. M. I. verra par le rapport officiel que j'ai l'honneur de lui présenter qu'ayant reçu par la voie du chef de la ville Foukaze

¹⁾ Получено въ Варшавѣ 17 декабря 1825 г. Отвѣщено 18 декабря.

du Sénat qui publie l'ordre de prêter serment à V. M. I., ce devoir a été rempli hier à midi. Fidèle par devoir et de cœur j'attends avec soumission vos volontés, Sire, telles qu'elles puissent être, je saurai les remplir fidèlement.

Aujourd'hui entre 9 et 10 heures du matin nous avons suivi le corps de notre auguste maître et bienfaiteur au couvent grec de cette ville, comme ce changement devenait indispensable pour ne pas laisser ses augustes restes trop longtemps dans une demeure habitée; j'ai fait venir ici encore le 6 escadron de cosaques de la Garde qui venait de retourner au Don, le régiment du Hetman et une demi compagnie d'artillerie des cosaques qui ont pu arriver à temps.

La santé de S. M. l'Impératrice Elisabeth se soutient sans changement remarquable dans un état de faiblesse et de profonde douleur. S. M. a daigné me charger de vous répéter, Sire, combien elle est sensible à votre souvenir.

Veuillez, Sire, agréer les sentiments du plus profond respect et du dévouement fidèle et sincère, avec lesquels j'ai l'honneur d'être, Sire, de V. M. I. le très humble et très fidèle sujet J. B. Diebitsch.

XXXVIII.

Графъ Виттъ—Г.-ад. бар. Днечу.

Елисаветградъ. 11-го декабря 1825 г.

Едва оправившись отъ опасной и необыкновенной болѣзни, я узналъ или, лучше сказать, по необъяснимому предчувствію предугадать страшное несчастіе, повергшее всѣхъ насъ въ печаль. Несчастіе это, которое невозможно было скрыть отъ меня, привело меня въ такое ужасное состояніе, что теперь всего 4-й день какъ я начинаю оправляться отъ него. Пользуюсь первой минутой выздоровленія, чтобы поблагодарить васъ, генералъ, за участіе, оказанное вами ко мнѣ во время моей болѣзни; я чрезвычайно благодаренъ вамъ за это и не пытаюсь даже выразить в. пр-ву все то, что я переживалъ, види ваше вниманіе и вашу память обо мнѣ.

5-го числа мы получили манифестъ сената и я присягнулъ только что поднявшись съ постели; войско присягнуло спокойно и въ полномъ повиновеніи и я остался вполне доволенъ скорбію, оказанною имъ по поводу утраты монарха, котораго мы продолжаемъ оплакивать, а равно и тѣми чувствами, какія были выражены имъ по отношенію къ новому государю.

Прошу в. пр-во извинить меня, что я пишу вамъ не своею ру-

кою, и еще слишкомъ слабъ, чтобы писать, но мнѣ было бы тяжело еще далѣе отложить случай высказать вамъ мою благодарность за ваше вниманіе, а равно и мое искреннее желаніе сохранить дружбу, которой вы удостоили меня и тѣ добрыя отношенія, существовавшія между нами, коими и всегда буду дорожить, ибо онѣ свидѣлствуютъ объ уваженіи вашемъ ко мнѣ, которое я буду цѣнить всю жизнь.

Примите, баронъ, увѣреніе и проч. графъ Виттъ.

XXXIX.

Собственноручное письмо вел. кн. Николая Павловича
ген.-ад. барону Дивичу.

С.-Петербургъ, 12-го декабря 1825.

Полковникъ Фредериксъ пріѣхалъ сегодня поутру въ 7 часовъ и вручилъ мнѣ три пакета отъ васъ, любезный Иванъ Ивановичъ, къ государю императору адресованные. Изъ перваго письма моего къ вамъ вы извѣстились уже, что не сговорился съ вами, мы оба, и я могу прибавить, за мною всѣ, исполнили долгъ нашъ предъ нашимъ государемъ. Но поля его святая, и присягнувъ ему, я долженъ свято исполнить все, что мнѣ онъ повелитъ, какъ оно ни тяжело для меня, и какъ ни ужасно и ни затруднительно мое положеніе. Я еще не государь вашъ, но долженъ поступать уже какъ оный, ожидая каждую минуту разрѣшенія Константина Павловича на вступленіе мое на его мѣсто. Какъ и почему, здѣсь не мѣсто сказывать; скоро все опишется ясно и докажетъ, что я напередъ всего былъ честнымъ человѣкомъ, а потому и передъ Богомъ, и передъ государемъ, и передъ отечествомъ чистъ совѣстію и дѣлами.

Я открылъ пакеты и въ нашемъ докладѣ видѣлъ дѣло ужасное, но которое меня не страшитъ, ибо я на все готовъ. Но обязанности мои взять на себя, не теряя ни минуты, приступить къ дѣлу, до общаго благоденствія касающемуся; а потому и приступаю къ назначенію мѣръ, мною принятыхъ. Въ секретѣ г. Милорадовичъ, какъ военный генералъ-губернаторъ и который все здѣсь дѣлаетъ; кн. Голицынъ, потому что онъ заводитъ почтами и былъ довѣренный покойнаго государя, г. Бенкендорфъ, какъ человѣкъ надежный и посредникъ по дѣламъ военнымъ съ гражданскими, былъ военнымъ губернаторомъ и командуя полками, въ коихъ, полагать должно, можетъ быть зараза.

Третьяго дня видѣвъ въ первый разъ г. Аракчеева, онъ мнѣ

въ разговорѣ упоминалъ объ этомъ дѣлѣ, не зная на чемъ оно остановилось и говоря мнѣ про оное, потому что онъ полагаетъ его весьма важнымъ.

Я тогда же сообщалъ объ этомъ г. Милорадовичу, который хотѣлъ видѣться съ г. Аракчеевымъ; но такъ какъ графъ принялъ за правило никого у себя и нигдѣ не видѣть, даже и по службѣ, то и не пустилъ къ себѣ Милорадовича, не смотря, что онъ велѣлъ сказать, что отъ меня посланъ къ графу. Это было вчера. Получивъ отъ насъ сіи бумаги, я тотчасъ уведомилъ г. Милорадовича, и съ нимъ и съ Голицынымъ условились на счетъ лицъ, здѣсь находящихся, обратить непримѣтно особое бдительное вниманіе. Выслать на встрѣчу Булгари и г. Чернышеву фельдъегерей, для взятія ихъ подъ арестъ за городомъ и сюда доставить въ крѣпость. Г. Милорадовича адъютанта г. Мантейфеля поѣдетъ сегодня же на Житомиръ въ село Болобановку, Липовецкаго повѣта, для доставленія сюда капитана Майбороды. Такъ какъ шт.-кап. Муравьевъ уже уѣхалъ, въ отпускъ въ Орелъ на четыре мѣсяца, то посылается фельдъегерь къ кн. Голицыну въ Москву для арестованія его на дорогѣ, гдѣ встрѣтятся.

Но притомъ долгомъ считаю въ честь нашей гвардіи сказать, что я почти увѣренъ, что сообщниковъ подобнаго злодѣянія здѣсь весьма мало, если и вовсе нѣтъ; тому служить неоспоримымъ доказательствомъ примѣрный, единственный порядокъ, соблюдаемый здѣсь по всѣмъ частямъ, съ самаго ужаснаго 27 числа; даже слуху, ни подозрѣнія, нѣтъ чего подобнаго; напротивъ можно скорѣе сказать, что почти никогда такого порядку при жизни государя здѣсь не бывало; я бы грѣшилъ предъ Богомъ и предъ самимъ собой, еслибы говорилъ противное. Но на Бога надѣйся, а самъ не плошай,—было и будетъ нашимъ правиломъ и до конца, и мы не збываемъ.

Теперь нужнымъ считаю ждать извѣстій: 1) отъ Чернышева и 2) отъ насъ, ибо Фредериксъ говорилъ мнѣ, что знаетъ, что П. Николаевъ ѣхалъ къ вамъ обратно.—Это одно опредѣлить можетъ дальнѣйшія мѣры. Если Шервудъ сюда будетъ, мы возьмемъ мѣры его спрятать. Если Николаевъ не одинъ къ вамъ воротится, то нѣтъ сомнѣнія, чтобы вся шайка не догадалась, что все или часть заговора открыта, а потому тогда уже нечего медлить всѣхъ ихъ забрать. Тѣ, которые здѣсь, т. е. Борисовъ и Свислуновъ оба дураки; но *se peuvent être des instruments*. За ними будутъ смотрѣть. Про Корняловича я еще ничего не узналъ.

Такъ какъ по всему дѣлу нѣтъ сомнѣнія, что въ Одессѣ быть должно гнѣздо, ибо здѣсь въ инспекторскомъ департаментѣ извѣстно,

что г. Чернышевъ отпущенъ на 28 дней въ Курскъ и Одессу, то я считаю необходимымъ, чтобъ вы переговорили на сей счетъ съ г. Воронцовымъ, дабы и тамъ принять нужныя мѣры: во всякомъ случаѣ не оставьте меня въ неопредѣленности объ вашемъ, на сей счетъ, распоряженіи. Сейчасъ слышу, что Шишковъ, адъютантъ Рудзевича, здѣсь, подъ предлогомъ просьбы въ отставку; я за нимъ также присмотрю.

Я считаю нужнымъ, любезный Иванъ Ивановичъ, чтобы вы, принявъ приказанія государини Елисаветы Алексѣевны, дозволить ли она открыть кабинетъ Е. И. В., забрали, какъ можно скорѣе, всѣ бумаги, въ немъ хранящіяся и доставили ко мнѣ какъ наискорѣе съ надежнымъ человекомъ. Сами же, если присутствіе ваше не необходимо, приѣхали бы сюда, гдѣ вы весьма мнѣ нужны. И тогда нужно будетъ вамъ ѣхать на Могилевъ на Дитирхъ, чтобъ съ г. Сакеномъ условиться обо многомъ до сего и до будущихъ обстоятельствъ, *en un mot tout m'orienter*; я считаю, что вы тамъ, а можетъ и прежде получите извѣстія, что все здѣсь въ порядкѣ кончено или иначе я живъ не останусь. Да поможетъ намъ Богъ, къ чести отечества и нашей совѣсти, все хорошо привести къ заключенію.

Кн. Петру Михайловичу писалъ я, что вы отъ него уже вѣрно слышали на счетъ распоряженій, касающихся дѣла нашего Ангела. Я не могъ иному и иначе писать, ибо тогда не имѣлъ на то права; теперь я вамъ объ томъ подтверждаю, какъ лице полуофициальное, но еще не вашъ государь, а вашъ искренній другъ Николай.

Въ вечеръ въ 9 часовъ.

Рѣшительный курьеръ воротился; послѣ завтра по утру я или государь или безъ диханія, я жертвую собой для воли брата; счастливъ, если, какъ подданный, исполню волю его. Но что будетъ въ Россіи! Что будетъ въ арміи! Г. Толь здѣсь и я его пошлю въ Могилевъ съ симъ извѣстіемъ къ г. Сакену и иному довѣреннаго для того же назначенія въ Тульчинъ и къ Ермолову;—словомъ надѣюсь быть, достойнымъ своего званія не боязнію или недоувѣренностію, но съ надеждою, что такъ какъ я долгъ исполнилъ, такъ что и всѣ оный нынѣ предо мной выполнять. Но если гдѣ либо что заварится и вы объ томъ узнаете, вамъ поручаю сейчасъ туда ѣхать, гдѣ присутствие ваше нужно будетъ; на васъ полагаюсь совершенно и ввередъ разрѣшаю всѣ вами принимаемыя мѣры.

Я вамъ послѣ завтра, если живъ буду, пришлю самъ еще не знаю кого, съ увѣдомленіемъ, какъ все сошло; вы также не оставьте меня увѣдомить обо всемъ, что у насъ или вокругъ насъ происхо-

дѣть будетъ, особливо у Ермолова. Къ нему надо будетъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, и отъ насъ кого выслать, напр. Германа или такого разбора; я, виноватъ, ему менѣе всѣхъ вѣрю. Опять повторю здѣсь, у насъ о сѣ пору непостижимо тихо; *mais le calme précède souvent l'orage.*

Довольно объ томъ. Que la volonté de Dieu se fasse! Во мнѣ видѣть должно намѣстника и исполнителя покойнаго государя воли; а потому я на все готовъ. Къ вамъ же навсегда буду искренно доброжелательнымъ Николай.

До вашего приѣзда дѣла будутъ идти подъ именемъ Татищева чрезъ Потанова, который ко мнѣ съ докладомъ ходить будетъ.

XI.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—г.-л. бар. Дибичу.

Варшава, 14 (26) декабря 1825 г. вечеромъ.

Пакетъ Грабовскаго остался у меня.

[Переводъ съ франц.]. Любезный генералъ, вашъ фельдъегерь привезъ мнѣ всѣ ваши письма, которыя я отсылаю вамъ нераспечатанными въ виду принятаго мною рѣшенія и въ силу повелѣнія покойнаго монарха нашего, хранившагося въ совѣтѣ, въ сенатѣ, синодѣ и пр., которому однако не послѣдовали. Не мнѣ судить о томъ, что сдѣлано, но я долженъ буквально исполнить предписанія покойнаго императора. Да будетъ такъ и да поддержать и направить меня Господь. Что же касается вашего письма подъ № 6, то я распечаталъ его, такъ какъ содержаніе его мнѣ было извѣстно изъ предыдущаго письма вашего, и я также посылаю его обратно. Не могу по этому поводу сказать вамъ ничего положительнаго, но я полагаю, что все это дѣло ничто иное какъ самая гнусная интрига генерала Витта, лгуна и негодяя, въ полномъ смыслѣ этого слова; все остальное одиѣ прикрасы. Кап. Майборода напугалъ ген. Ротта, который видитъ все въ черномъ цвѣтѣ и всѣ въ этомъ дѣлѣ, начиная съ унтеръ-офицера, становится орудіемъ гнусныхъ провѣсковъ ген. Витта. Не оспариваю того, что Вадковскій скверная личность, остальныхъ я не знаю. Повторю вамъ еще разъ, любезный генералъ, что ген. Виттъ таковъ негодяй, какихъ свѣтъ не производилъ; религія, законы, честность для него не существуютъ, словомъ это человѣкъ, какъ выражаются французы, достойный вѣстницы, (*gibier de potence*). Дѣйствуйте осторожно, любезный генералъ, не спѣша, поступайте

осмотрительно, вотъ мой дружескій совѣтъ. Возвращаю вамъ прилагаемую при семь бумагу вашу.

Засвидѣтельствуйте мое глубочайшее почтеніе е. в. государынѣ императрицѣ. Мой дружескій привѣтъ князю Волковскому, вы же будьте увѣрены, что на свѣтѣ нѣтъ человѣка, который болѣе цѣнитъ бы васъ и болѣе уважалъ, какъ преданный вамъ Константинъ.

Все это дѣло ни что иное какъ месье Витта и желаніе выставиться. Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ этомъ мнѣніи. Будьте осторожны, любезный генералъ.

Varsovie, le 14 (26) décembre 1825, soir.

Le paquet de Grabowski est resté chez moi.

Mon cher Général. Votre feldjäger m'a apporté toutes vos lettres que je vous renvoie non décachetées vu mes résolutions et vu les ordres de feu notre Maître déposés au Conseil, Senat, Synode etc. et que l'on n'a pas suivi. Ce n'est pas à moi à juger de ce que l'on a fait, mais c'est à moi à suivre ponctuellement ce que l'Empereur défunt avait prescrit. Ainsi soit-il et que Dieu me guide et me soutienne. Quant à votre paquet N° 6 je l'ai décacheté puisque que j'en savais le contenu par votre précédente et je vous le renvoie. Je ne puis vous en rien dire de positif, mais je suppose que le tout est une intrigue des plus noires du général Witt, menteur et mauvais sujet dans la force du terme, le reste n'est que broderie. Le C. Maiboroda a effrayé le g-rl Rott qui voit tout en noir et tout le monde devient dans cette affaire à commencer par le sous-officier les instruments de la vilénie du G. Witt.

Je ne conteste pas que Wadkowski c'est un détestable sujet, les autres je ne connais pas. Je vous le répète encore, cher Général, que le G-rl Witt est une canaille dont le monde-ci ne produit peut-être pas un autre, sans foi ni loix ni probité et ce que l'on appelle en français un gibier de potence. Soyez sur vos gardes, cher G-rl, ne précipitez rien, marchez avec discernement, c'est un conseil d'ami que je vous donne. Je vous restitue votre papier ci-joint.

Présentez mes hommages très humbles à S. M. l'Impératrice. Mes amitiés sincères au Prince Wolkonsky et pour vous dites vous que vous n'avez au monde d'être qui sache plus vous apprécier et vous rendre justice et vous estime que ne le fait votre tout dévoué Constantin.

Toute l'affaire n'est que vengeance de Witt et envie de se faire valoir. Plus j'y pense et plus je ne puis changer d'avis. De la prudence, cher Général.

XII.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—г.-а. барону Дипичу.

Рукою Великаго Кнзя: „для васъ однихъ. Секретно“.

Варшава, 15-го (27) декабря 1825 г.

Баронъ И. И! Отправленный отъ в. пр-ва фельдъегерь Гусевъ доставилъ ко мнѣ пакеты, которые я, не распечатывая, обратно къ вамъ препровождаю, какъ по титулу на оныхъ надписанному до меня не принадлежащихъ, и повторяю тоже, что я уже вамъ писалъ отъ 11-го сего декабря, что я не виѣшиваюсь, что въ С.-Петербургѣ дѣлаютъ, гдѣ не смотря на то, что открыли въ государственномъ совѣтѣ пакетъ и хранится таковой же въ сенатѣ, въ которомъ явственно означена воля покойнаго г. имп-ра, что по добровольному моему отреченію назначенъ наследникомъ престола Е. И. В. в. к. Николай Павловичъ, но сего не привели въ исполненіе, я же напротивъ, исполняя свято и ненарушимо его священную волю, остаюсь непоколебимымъ въ исполненіи оной и въ своемъ рѣшеніи, и единственно для вашего свѣдѣнія препровождаю при семъ кони съ моихъ писемъ в. и. в. вдовст. гос. и-цѣ Маріи Феодоровнѣ и е. и. величеству Николаю Павловичу, отправленныхъ 26-го ноября, съ отношенія ко мнѣ председателя государственнаго совѣта князя Лопухина отъ 27-го ноября и съ отвѣта моего на оное, къ нему посланнаго 3-го сего декабря; изъ всѣхъ сихъ бумагъ вы ясно усмотрите всѣ обстоятельства.

Изъ вышеозначенныхъ присланныхъ отъ васъ пакетовъ, я оставилъ у себя министра царства польскаго графа Грабовскаго, на который буду ему отвѣчать, и распечаталъ отъ васъ съ надписью: пущное, въ собственныя руки, подъ № 6-мъ, догадываясь изъ прежняго вашего увѣдомленія объ чемъ идетъ дѣло, и возвращая къ вамъ обратно вашу бумагу, скажу на оную свое мнѣніе, что офицеръ Вадковскій, котораго я знаю, есть дрянъ, и всѣ прочіе, объ которыхъ упоминается, и которыхъ хотя не знаю, но тоже дрянъ, унтеръ-офицеръ же 3-го бугскаго уланскаго полка Шернудъ долженъ быть большой плутъ и за нимъ нужно весьма крѣпко и близко поглядѣть, также капитанъ Майборода, который явился къ г. д. Роту съ доносомъ, долженъ быть такой же плутъ, да какъ я понимаю и генерала Рота, онъ человѣкъ загнѣбливый, хитрый и не весьма прямой, какъ бы слѣдовало; а мнѣ кажется, что главная всему этому есть пружина г.-а. графъ

Виттъ, который чтобы подслужиться покойному государю императору и сдѣлаться нужнымъ, нарочно надѣлалъ безпокойства и подвелъ свои хитрыя пружины; тутъ можетъ быть иъзается еще какія письма, которыя будутъ перехватывать, но мнѣ кажется, что это все плутни и по моему графъ Виттъ есть такого рода человекъ, который не только чего другаго, но недостоемъ даже, чтобы быть терпиму въ службѣ и мое мнѣніе есть, что за нимъ надобно имѣть весьма большое и крѣпкое наблюденіе.

Наложивъ и пр-ву отъ искренности моей къ вамъ по сему дѣлу мои мысли, прошу принять увѣреніе моего къ вамъ особеннаго всегдѣшняго уваженія, Константинъ.

Собственноручная приписка цесаревича:

«Прошу мои бумаги подъ самымъ секретомъ показать кн. П. М. Волконскому и меня о полученіи оныхъ почтить нашимъ увѣдомленіемъ». —

оригиналъ отъ насъ:
1344
ч. 976

XLII

1344
ч. 59

Ген.-ад. баронъ Дибичъ—г. Кургутъ.

Таганрогъ. 17-го декабря 1825 г.

М. Г. Дмитрій Дмитріевичъ. Князь Петръ Михайловичъ Волконскій представляетъ съ симъ вмѣстѣ его величеству распоряженія о препровожденіи тѣла представшагося всемилостивѣйшаго г. и. Александра Павловича чрезъ Москву въ С.-Петербургъ.

Войска для караула и конвоя назначены тѣ, кои расположены не слишкомъ далеко отъ дороги, судя по времени прибытія шествія. На счетъ Москвы спрашиваетъ князь Петръ Михайловичъ распоряженій прямо изъ С.-Петербурга. Не получивъ съ моей стороны никакого повелѣнія на счетъ бумагъ отъ разныхъ министерствъ и мѣстъ, здѣсь находящихся, ни собственно на счетъ свой, рѣшаюсь по учиненіи всѣхъ распоряженій, до парада войска касающихся, ожидать здѣсь только возвращенія гвардіи полковника Николаева и ген.-ад. Чернышева или увѣдомленія отъ сего послѣдняго, ибо я долженъ полагать, что содержаніе ихъ доносеній можетъ потребовать непримѣнныхъ и рѣшительныхъ мѣръ, наиболѣе въ столицѣ, а здѣсь въ Таганрогѣ можно распорядиться съ удобностью только касающимися до арміи; а если до того времени не получу ни отъ его величества, ниже изъ С.-Петербурга другаго повелѣнія, то по обстоятельствамъ выше объясненнымъ нахожу себя въ обязанности отправиться со

всѣми бумагами немедленно въ С.-Петербургъ. Полагая прибытіе полковника Николаева и ген.-ад. Чернышева сего числа или завтра, считаю, что могу отправиться 19-го или 20-го сего мѣсяца, о чемъ тогда же васъ увѣдомлю и донесу его величеству, и теперь прошу в. пр. покорнѣйше довести до высочайшаго свѣдѣнія, когда найдете удобнымъ и его в-во изволить еще находиться въ Варшавѣ, не осмѣливаясь беспокоить донесеніемъ о одномъ только предварительномъ извѣщеніи.

Я надѣюсь, что въ семъ случаѣ дѣйствовать по смыслу всеимпериальнѣйшаго рескрипта отъ 1-го декабря и прошу васъ покорнѣйше подвергнуть меня всеимпериальнѣйшему снисхожденію, если по недоразумѣнію сдѣлаю какую либо ошибку.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь пребывать в. пр-на покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дибичъ.

Получено въ Варшавѣ 26-го декабря 1825 г.

XLIII.

Цесаревичъ Константинъ—г.-а. барону Дибичу.

Варшава. 18-го (30) декабря 1825 г.

Баронъ И. И. Я получилъ ваши письма отъ 11-го сего декабря съ фельдъегеремъ Махотинимъ, и хотя онѣ написаны были съ не принадлежащимъ мнѣ титуломъ, но я рѣшился распечатать ихъ; вы съ своей стороны поступаете какъ знаете, а я съ своей то же дѣлаю какъ знаю и какъ мой долгъ есть; и какъ бы вы ко мнѣ писали я изъ личнаго моего къ вамъ уваженія всегда приму вашу переписку.

Присланную отъ васъ записку по дѣлу открытіевъ полковникомъ Николаевимъ, я оставилъ у себя въ секретѣ, для собственнаго моего соображенія, ежели же вамъ нужно я оную къ вамъ возвращаю.—Впрочемъ нахожу, что вы по сему приняли всѣ надлежащія мѣры и съ моей стороны, ежели угодно принять совѣтъ, то оной состоитъ токмо въ томъ, чтобы продолжать начатія вами распоряженія.

При семъ случаѣ прошу в. пр-во принять увѣреніе всегдашняго моего къ вамъ уваженія Константинъ.

XLIV.

Г.-ад. Нейдгардъ—г.-а. барону Диничу.

28-го декабря 1825 г.

[Переводъ съ нѣмецкаго]. Ваше превосходительство! Въ минуту столь роковую, когда Россія, а съ нею вмѣстѣ и весь міръ оплакиваютъ потерю незабвеннаго монарха, никто не имѣетъ права говорить о своемъ личномъ горѣ, и я умалчиваю о своемъ.

25-го числа вечеромъ мы получили отъ васъ первое извѣстіе объ ужасномъ несчастіи; опоминувшись отъ перваго удара, Воиновъ и Милорадовичъ, въ присутствіи моемъ и Потапова, рѣшили держать это извѣстіе въ тайнѣ, посоветовавшись объ этомъ еще съ Лопухинимъ. 26-го числа, получивъ извѣстіе объ облегченіи августѣйшаго больного, мы объявили объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, а на 27 число было назначено благодарственное молебствіе при дворѣ и въ Невской Лаврѣ. Молебствіе было отслужено, но его не успѣли окончить какъ была получена вѣсть о кончинѣ императора; я былъ въ ту минуту при дворѣ; отчаяніе, проникшее во всѣ сердца, отразилось на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ, а великій князь Николай Павловичъ немедленно присягнувъ императору Константину. Этому примѣру послѣдовали всѣ присутствующіе и караулъ. Еще до этого великій князь приказалъ мнѣ передать отъ его имени генералу Воинову, бывшему съ прочими въ Невской Лаврѣ, чтобы принесли къ присягѣ гвардію. Я поспѣшилъ туда и возвѣстивъ это извѣстіе въ церковь въ ту самую минуту и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ годъ тому назадъ, въ этотъ же часъ, незабвенный Александръ бросилъ горсть земли на могилу своего вѣрнаго Уварова. Точно громомъ поразило всѣхъ это извѣстіе. Мы собрались тотчасъ въ гвардейскомъ штабѣ, гдѣ всѣ генералы и полковны командиры принесли присягу, а затѣмъ отправились къ своимъ частямъ и въ 5 часовъ вечера гвардія поклялась уже положить свою жизнь за новаго императора. Я присутствовалъ при присягѣ пяти полковъ. Старые гревадеры плакали какъ дѣти, офицеры рыдали, но всѣ исполнили свой долгъ, соблюдая величайшій порядокъ и тишину. Это будетъ всегда считаться одною изъ лучшихъ доблестей нашей гвардіи и лучшимъ знакомъ признательности къ нашему незабвенному благодѣтелю. Пишите скорѣ вѣчно преданному вамъ слугѣ Нейдгардту.

XLV.

Князь Волконскій — цесаревичу Константину Павловичу.

Таганрогъ. 30-го декабря 1825 г.

В. и. в., приношу в. и. в. мою всепокорнѣйшую благодарность за рескриптъ в. и. в. отъ (18) 30 декабря, и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу всемилостивѣйшаго вашего прощенія въ неумышленной совѣсть ошибокъ моихъ на счетъ титула вашего.

В. и. в. извѣстна нелицемѣрная и истинная преданность къ особѣ вашей, могъ ли бы я осмѣлиться, даже подумать, въ чемъ либо проступиться предъ вами! войдите милостиво въ мое ужаснѣйшее положеніе. Липаша отца и благодѣтеля въ покойномъ г. имп—рѣ, не имѣвъ въ виду существовавшего манифеста и акта, я не могъ иначе поступить, какъ отнестись къ в. и. в. яко законному наслѣднику.

Получивъ же рескриптъ вашъ, въ которомъ изволите увѣдомлять, что вы не поколебались въ намѣреніи вашемъ, и остаетесь въ прежнемъ мѣстѣ, послѣ чего и писалъ в. в. прежнимъ титуломъ; но вскорѣ послѣ того получили здѣсь изъ правительствующаго сената указъ и клятвенное обѣщаніе, могъ ли я одинъ остаться безъ исполненія сего долга, тогда какъ всѣ гражданскіе чиновники, войско Донское и гарнизонъ учинили присягу в. и. в., что подтверждаютъ и рескрипты ко мнѣ с. и. в. государини императрицы Маріи Феодоровны, и государя императора Николая Павловича. Теперь же, получивъ манифестъ, по которому вновь всѣ сочинили присягу г. и. Николаю Павловичу, видимъ, что в. и. в. высочество явно изволили объявить о сохраненіи прежняго титула; до тѣхъ поръ, какъ могли мы поступить иначе? Я весьма почелъ бы себя несчастливымъ подпасть невинно подъ гнѣвъ в. и. в., но всемилостивѣйшій рескриптъ вашъ на французскомъ языкѣ, коимъ угодно было вамъ меня удостоить, удостоивъ милостивыми изрѣченіями, что в. и. в. изволите сохранить мнѣ прежнюю милость вашу; успокоюсь сямъ всячески стараться буду заслуживать сіе.

Вчерашній день былъ для насъ ужаснѣйшимъ, ибо на нѣки разстались съ отцомъ нашимъ въ Бозѣ почивающимъ покойнымъ г. и. Не могу описать в. и. в. той минуты, въ которую приносили послѣднее поклоненіе праху его, и чувствъ горести и скорби, всѣми ощущаемыхъ. Въ 10 часовъ утра послѣ литургіи и панихиды кортежъ выступилъ отсюда съ тою же церемоніею, какаю была при переносѣ тѣла изъ дворца въ монастырь. Народъ сопровождалъ по всей дорогѣ до самаго почлега и даже изъ стороннихъ деревень.

Вдовствующая г. и. Елисавета Алексѣевна изволила присутствовать при послѣдней панихидѣ, и прощалась съ тѣломъ любезнѣйшаго ея супруга, съ коимъ нѣжная разлука не могла не подѣйствовать на весьма ослабленное уже отъ скорби и прежней болѣзни ея здоровье; сегодня однако изволить чувствовать себя лучше.

Порученіе в. и. в. и исполнилъ и ея величество изволила поручить мнѣ васъ благодарить. Позвольте в. и. в. при семъ случаѣ принести вамъ мое всенскреннѣйшее поздравленіе съ новымъ годомъ, равно и ея свѣтлости княгинѣ Ловической; прошу Бога о сохраненіи драгоценнаго здоровья вашего на многія лѣта, и поручая себя въ продолженіе всемілостивѣйшаго вашего благорасположенія, съ неизмѣрною преданностію и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ остаюсь в. и. в. всепреданнѣйшій слуга кн. Петръ Волконской.

Письмо это было получено въ Варшавѣ 22-го января 1826 г.

XLVI.

Всепод. письмо ген.-ад. Васильчикова.

Москва. 30-го декабря 1825 г.

Всѣмъ государь, имѣю счастье довести в. и. в., что я прибылъ въ Москву вечеромъ 28-го сего декабря и вручилъ всемілостивѣйше пожалованнымъ вами московскому военному генералъ-губернатору и командиру 5-го пѣхотнаго корпуса ордена св. Андрея Первозваннаго, равно брилліантовый крестъ на клубокъ преосвященному Филарету. Всѣ трое приняли сію высокомогущую милость нашу съ чувствами живѣйшей вѣрноподданической благодарности.

Въ проѣздѣ мой до Москвы и въ самой столицѣ, я имѣлъ неоцѣненное счастье замѣтить повсюду совершенную тишину, и на счетъ послѣдней вы можете, государь, быть въ полной мѣрѣ спокойны, въ чемъ еще болѣе можете удостовѣрить в. в. московскій воен. ген.-губ. Заутрашній день я отправляюсь въ дальнѣйшій путь.

Вс. г-рь в. и. в. вѣрноподданнѣйшій Пларіонъ Васильчиковъ.

XLVII.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Дибичу.

Варшава. 4-го января 1826 г.

Любезный баронъ Н. Н. Я имѣлъ удовольствіе получить ваши письма отъ 22-го и 29-го декабря по эстафетѣ чрезъ г.-л. Куруту; весьма благодарю васъ за изъясненія въ оныхъ чувства ваши ко мнѣ, въ которыхъ я никогда не сомнѣвался и не сомнѣваюсь, имѣя многіе на то опыты. Очень меня обрадовало увѣдомленіе ваше, что

общій духъ въ публикѣ, какъ вы замѣтили въ разныхъ мѣстахъ, хорошъ и что вездѣ все въ порядкѣ, кромѣ замѣшанныхъ въ злодѣйскомъ умыслѣ—замѣчаніе ваше весьма справедливо, что открываются многіе злоумышленники, служившіе въ прежнемъ составѣ 1.-гв. Семеновскаго полка; я всегда былъ того мнѣнія, что несчастная предпринята была мѣра, что эту заразу Семеновскаго полка распустили по всей почти арміи, а если бы оставить тогда оный полкъ въ массѣ гдѣ нибудь, такъ сказать подъ штрафомъ и строгимъ наблюденіемъ, то можетъ быть не было бы такихъ послѣдствій. Что далѣе будетъ открываться по сему ужасному заговору, прошу васъ не оставлять меня увѣдомлять, я буду за оное вамъ весьма обязанъ, и затѣмъ примите удостовѣреніе всегданшняго и истиннаго къ вамъ особеннаго уваженія Константинъ.

XLVIII.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ—ГРАФУ САКЕНУ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
ПЕРВОЮ АРМІЕЮ.

Le 6 Janvier 1826.

C'est hier soir à minuit que j'ai reçu, mon cher Général, la nouvelle de la révolte de Mourawieff, ainsi que des mesures que votre prudence vous a dicté pour reprimer, s'il est encore possible, le mal dans sa source.

J'avoue que je ne puis me dissimuler de croire que la chose n'a pu arriver que par la maladresse du pauvre Colonel Guébel, car il paraît que c'est au moment de l'arrestation de Mourawieff que la chose a éclaté.

Je blame aussi beaucoup la manière du pr. ~~Che~~rbatoff, qui peut-être cause de biens graves inconvénients.

A tout considérer et surtout vu l'emploi que l'on fait du nom de mon frère pour revolter les troupes, j'ai cru devoir me décider à charger mon frère lui-même à reprimer la rébellion au cas qu'elle devienne plus grave, en mettant tout le 3 corps sous ses ordres momentanés. Comme je fais tout connaître au public, je compte publier aussi cet événement et dire pour montrer ma confiance pleine et entière dans mon frère, que c'est lui auquel j'ai confié de terminer ce scandale, cela ne peut que faire le meilleur effet.

J'attendrais avec impatience de vos nouvelles et de celles du G-l Rott. Je ne suis pas sans crainte à son égard, car je sais positivement, qu'il est détesté dans son corps, or cela ne peut gagner la confiance de la troupe et une fois le branle donné, il serait possible que l'on s'en défasse de lui.

Je vous envoie porteur de la présente le G-I Demidow, que j'envoie à Житомиръ. S'il arrivait que Rott fut mis hors de combat, c'est lui qui prendra le commandement du corps. Si, ce que Dieu veuille nous accorder, tout finit bien, je le charge de voir par lui même l'état des esprits du pays et des troupes, dont les coquins ont troublé les têtes; il poussera pour le même objet vers Kiew, où il restera aussi longtemps, qu'il le supposera nécessaire pour me mettre au fait des esprits de la canaille qui s'y trouve.

Tout me paraît tranquille ici, et avec l'aide de Dieu, je ne vois pas de raison pour une nouvelle secousse. Nos enquêtes vont bien et deviennent de plus en plus curieuses. Je compte en finir avec deux des principaux assassins dans trois jours d'après les loix du учрежденіе о большомъ дѣлѣ преступнаго арміи. Cet exemple, tout affreux qu'il est, est indispensable.

Enfin, mon cher général, arrive ce qui doit, nous ferons nos devoirs en honnêtes gens! C'est ce que j'espère en Dieu de faire. Et quant à vous, soyez sûr de toute mon estime et de ma confiance, comme je compte sur votre zèle et votre amitié votre affectionné N.

Ne négligez pas de me donner le plus souvent possible de vos nouvelles.

XLIX.

На всепод. докладной запискѣ ген.-ад. бар. Дибича, отъ 6 января 1826 г., о разрѣшеніи объявить комитету въ засѣданіи того дня о полученномъ изъ Кіева извѣстіи (о возникшемъ возмущеніи въ Черниговскомъ полку подъ предводительствомъ Муравьева), послѣдовала Выс. резолюція:

«Да и прибавить, что я считаю нужнымъ объявить въ приказѣ, что я Константину Павловичу самому поручилъ всѣ распоряженія по укрощенію начала сего возмущенія. Этимъ каждый увидитъ, что хотя бунтовщики дѣйствуютъ его именемъ, я ему самому предоставляю всѣ мѣры противъ сихъ злодѣевъ».

I.

Ген.-ад. Васильчиковъ—императору Николаю.

Таганрогъ 11-го января 1826 г.

(Переводъ съ франц.). Всемилостивѣйшій государь, сибшу увѣдомить в. н. н., что я прибылъ въ Таганрогъ 7-го числа сего мѣсяца, послѣ полудня; вынужденный останавливаться въ губерни-

скихъ городахъ, чтобы переговорить съ губернаторами и начальниками войскъ, я не имѣлъ возможности ускорить мое путешествіе. Я имѣлъ неоцѣненное счастье представляться с. н. в. императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ; самое зачерствѣлое сердце обилось бы кровью при видѣ ея; но ея покорность волѣ Божьей также велика, какъ ея горе, такъ что постигши ее невольно проникаешься къ ней удивленіемъ, слезы, которыми я орошаю эти строки, государь, вотъ все, что я могу прибавить къ этой печальной картинѣ. Здоровье с. н. в. лучше нежели можно было ожидать. Визлію, пріѣхавшій въ Петербургъ, вѣроятно успокоилъ и. в. по этому поводу.

Императрица соблаговолила говорить со мною о ея намѣреніи оставить Таганрогъ, лишь только погода будетъ благоприятствовать этому, присоветуиши, что она не можетъ поселиться въ Петербургѣ или въ окрестностяхъ его, что это было бы сверхъ силъ ея и что рассчитывая на благосклонность вашу и вдовствующей государыни, которую мы не однократно доказали ей, она надѣется, что ей будетъ разрѣшено избрать такое мѣсто пребываніе, гдѣ бы она могла окончить свое горестное существованіе такъ, какъ того требуютъ ея чувства; однако питал искреннее расположеніе къ императорской фамиліи, с. в. прежде всего желаетъ какъ можно скорѣе увидѣться со всѣми и исполнить передъ вдовствующей государыней свой священный и дорогой для нея долгъ.

Не бывъ, государь, на то уполномоченъ, я счелъ однако долгомъ сообщить и. н. в. желанія императрицы, которыя ей угодно было повѣрить мнѣ, ибо я убѣжденъ, что рѣшеніе ея измѣнить невозможно и что развѣ время въ состояніи переимѣнить ея намѣренія.

5-го числа сего мѣсяца я встрѣтилъ въ городѣ Изюмѣ похоронную процессію, съ останками с. н. в. блаженной памяти императора Александра; процессія движется въ величайшемъ порядкѣ, и хотя ежедневно проходятъ довольно большое пространство, но маршрутъ распределенъ такимъ образомъ, что они являлись въ мѣсто почлега довольно рано. Проѣзжая черезъ Тулу, Орелъ, Курскъ и Харьковъ, я видѣлся съ губернаторами и съ начальниками войскъ; всѣ они сообщали мнѣ вполнѣ успокоительныя извѣстія о настроеніи войскъ и мѣстныхъ жителей. Всѣ, по большей части, возмущены противъ зачинщиковъ трагическаго событія 14-го декабря и всѣ высказываютъ искреннее желаніе, чтобы Господь помогъ вамъ, государь, раскрыть нить заговора. Проѣзжая черезъ Харьковъ, я слышалъ весьма неутѣшительные отзывы о тамошнемъ университетѣ. Всѣ лица, съ которыми я говорилъ объ этомъ заведеніи, напуганы господствующимъ въ немъ духомъ. По этому случаю я считаю долгомъ обратить вни-

маніе в. и. в. на воспитаніе нашего юншества. Все современное поколѣніе развращено; нужно снѣзнить исправить это зло, дѣйствіе котораго становится уже такъ ощутительно. Вниманіе правительства должно быть обращено не на одинъ только Харьковскій университетъ, не лучше того и Казанскій, а домашнее воспитаніе составляетъ также изву, которую слѣдуетъ всѣми силами изкоренить. В. и. в. конечно найдете средства, которыя слѣдуетъ употребить въ данномъ случаѣ, что же касается меня, то я думаю, государь, что было бы необходимо организовать въ губернскихъ городахъ кадетскіе корпуса, гдѣ образованіе, необходимое для нашего вѣка, соединилось бы съ военной дисциплиной и которые находились бы подъ начальствомъ генераловъ, кои своими заслугами и нравственными принципами представляли бы къ тому всевозможныя гарантіи; однимъ словомъ намъ необходимо чисто монархическое, а не воспитаніе съ разрушительнымъ направленіемъ, иначе спокойствію имперіи можетъ грозить опасность.

Я не могу уѣхать отсюда, государь, не получивъ приказаній е. в. императрицы Елисаветы Алексѣевны, которая до отъѣзда моего желала бы имѣть изъ Петербурга отвѣтъ по поводу того, что она писала о графѣ Орловѣ Денисовѣ.

Имѣю счастье быть, вс. г.—рь, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій вѣрноподданный Н. Васильчиковъ.

Taganrog, 11 Janvier 1826.

Sire! Je m'empresse d'informer V. M. I. que je suis arrivé à Taganrok le 7 de ce mois dans l'après midi; ayant été obligé de m'arrêter dans les villes de gouvernements pour m'aboucher avec les gouverneurs et les chefs militaires, il m'a été impossible de mettre plus de célérité dans mon voyage. J'ai eu l'inappréciable bonheur de me présenter à S. M. I. l'Impératrice Elisabeth; le cœur le plus dur saignerait en la voyant; mais sa résignation égale son malheur, et l'admiration et le sentiment que l'on emporte en la quittant; les larmes dont j'inonde ces lignes, sire, sont tout ce que je puis ajouter à ce pénible tableau. La santé de S. M. I. est meilleure qu'on ne pouvait l'espérer. Wylie qui est à Pétersbourg a du tranquilliser V. M. à ce sujet.

L'Impératrice a daigné me faire part de son intention de quitter Taganrok dès que la saison le permettrait, en ajoutant qu'il lui était impossible de se fixer à Pétersbourg ou dans les environs, que c'est un effort dont elle ne se sentait pas capable, et qu'elle espérait de votre bonté et de celle de l'Impératrice mère pour elle, dont vous lui avez déjà donné tant de preuves, qu'il lui sera permis de se choisir un séjour où elle pourrait achever sa douloureuse existence d'une manière

analogue aux sensations qu'elle éprouve; toutefois tenant de cœur à la famille impériale, son désir le plus vif est de la revoir et de remplir auprès de S. M. l'Impératrice mère un devoir aussi sacré que cher à son cœur.

Sans être autorisé, Sire, j'ai cru devoir faire part à V. M. I. des désirs que l'Impératrice a daigné me communiquer, étant convaincu qu'il serait impossible de lui faire changer de résolutions et que le temps seul pourrait peut être modifier ses intentions.

J'ai rencontré le 5 de ce mois dans la ville d'Izum le convoi funèbre qui accompagne la dépouille mortelle de S. M. I. l'Empereur Alexandre de glorieuse et éternelle mémoire; le cortège marche dans le plus grand ordre, et quoique les journées soient assez fortes, par les arrangements que l'on a pris, il arrive sur place de bonne heure.

En traversant les villes de Toula, Orel, Koursk et Charkoff, j'ai vu les gouverneurs ainsi que les chefs militaires; tous m'ont donné les détails les plus satisfaisants sur l'esprit des troupes et des habitants. On est généralement indigné contre les moteurs de la scène tragique du 14, et tous font les vœux les plus ardents pour que le Ciel vous permette, Sire, de connaître à fond la trame.

A mon passage par Charkoff, j'ai eu des renseignements bien peu satisfaisants sur l'université de cette ville. Les personnes à qui j'ai parlé paraissent effrayé des principes qui y règnent. Je crois devoir à cette occasion appeler l'attention de V. M. I. sur l'éducation de notre jeunesse. La génération actuelle est toute gangrenée, et l'on ne saurait assez tôt porter remède à un mal, dont les effets se font déjà si vivement sentir. Ce n'est pas l'université de Charkoff seule qui doit attirer l'attention du gouvernement; celle de Kazan ne vaut pas mieux et les éducations domestiques sont surtout une peste qu'il faut chercher à extirper. V. M. I. jugera des moyens à employer; quant à moi, je pense, Sire, qu'il serait urgent d'organiser dans les villes de gouvernement des corps de cadets, où l'on réunirait toute l'instruction qu'exige notre siècle à une discipline militaire, sous la surveillance d'officiers généraux, dont les services, les mœurs et les principes donneraient toutes les garanties possibles; en un mot il nous faut une éducation essentiellement monarchique et non subversive; autrement la tranquillité de l'empire est compromise.

J'attends, Sire, pour quitter cette ville les ordres de S. M. l'Impératrice, qui avant de m'expédier désirerait avoir une réponse de St.-Petersbourg à ce qu'elle a écrit au sujet du comte Orloff-Denisoff.

Je suis, Sire, de V. M. I. le très humble et très soumis sujet
L. Wassiltchikoff.

II.

Г.-А. баронъ Дибичъ—цесаревичу Константину Павловичу.

С.-Петербургъ. 20-го января 1826 г.

(Пер. съ франц.). Ваше высочество, честь имѣю представить в. и. в. первымъ показаніямъ подпоручика Бестужева; надобно думать, что вопросы, которые будутъ предложены ему изъ самаго комитета, разъяснять болѣе подробно происки этихъ злодѣевъ и ихъ сообщниковъ въ польскихъ губерніяхъ. Первые вопросы, заданные генераломъ Левашевымъ тотчасъ по прибытіи преступника, служатъ затѣмъ основаніемъ нѣлаго ряда вопросовъ, предлагаемыхъ имъ. Къ несчастію число виновныхъ все увеличивается; но за то сообщники повидимому не имѣли еще особеннаго вліянія на войско.

Е. в. государь императоръ вѣнѣренъ завтрашняго дня отправить фельдъегеря къ в. и. в. и потому е. в. не посылаетъ своего письма съ этой обыкновенной эстафетой.

Соблаговолите, ваше высочество, принять и проч. Н. Дибичъ.

St.-Petersbourg, Le 20 Janvier 1826.

Monseigneur. J'ai l'honneur de présenter à V. A. I. les premières révélations du sous-lieutenant Bestuscheff; il faut espérer que les questions qu'on lui fera dans le Comité même jetteront plus de lumières sur les affiliations que ces traîtres paraissent avoir eu aussi dans les provinces polonaises. Les premières demandes faites par le Général Lewacheff tout de suite après l'arrivée du criminel, servent après de base dans la suite des questions qu'on leur fait. Malheureusement le nombre des coupables augmente; mais en revanche les complices ne paraissent pas encore avoir eu aucune influence réelle sur la troupe.

S. M. l'Empereur a l'intention d'envoyer demain un feldjeger à V. A. I. et par cette raison S. M. n'envoie pas sa lettre par cette estafette ordinaire.

Daignez, Monseigneur, agréer les sentiments de la plus profonde estime et de l'entier dévouement avec lesquels j'ai le bonheur d'être M-gr de V. A. I. le très humble et très obéissant serviteur J. D'obitsch.

LII.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Дибичу.

Варшава. 28-го января (2-го февраля) 1826 г.

(Пер. съ франц.). Любезный баронъ, Фельдъегерь Бликовъ, прибавь сюда, въ точности передавъ мнѣ всѣ пакеты, которые были даны ему на мое имя. Въ одномъ изъ пакетовъ, полученныхъ мною отъ васъ, находятся двѣ бумаги по поводу вознагражденія моего стараго вѣрнаго и прекраснаго Данилова, которому е. в. благоволилъ пожаловать чинъ 4-го класса или сдѣлать ему подарокъ, предоставляя на мой выборъ рѣшить, что я найду болѣе подходящимъ къ его честной службѣ. Прошу васъ повергнуть къ стопамъ императора мою благодарность за этотъ знакъ его благоволенія ко мнѣ и за вниманіе, которымъ ему угодно было удостоить ветерана, посвятившаго всю свою жизнь на службу самаго любимаго и обожимаго монарха. Передайте также ему, что мнѣ никогда не измѣнить преданности къ престолу, доказанная цѣлой жизнью и 30-ти лѣтней службою, въ продолженіи которой я старался быть достойнымъ этого счастья; она будетъ ему гарантіей того усердія и преданности, съ какою я постараюсь служить ему. Поэтому и съ величайшей благодарностью избралъ чинъ, и считаю себя вамъ обязаннымъ за эту услугу, точно также какъ и за подарокъ.

Не лишайте меня, любезный товарищъ, вашей довѣренности, и сообщайте мнѣ всѣ новости дня и все то, что вамъ удастся открыть. Говоря откровенно, обнаруженный заговоръ ужасенъ, къ тому же весьма неглаго, что всѣ главнѣйшіе дѣятели его по большей части бывшіе офицеры Семеновскаго полка, и не въ обиду имъ будь сказано, я убѣжденъ, что одно связано съ другимъ и что если бы они могли тогда же произвести волненіе, то не преминули бы сдѣлать это, а какъ тогда имъ это не удалось, то они воспользовались па-стошцею минутою, какъ наиболѣе удобною. У насъ до сихъ поръ все спокойно и мы употребляемъ всѣ усилія къ тому, чтобы слѣдить за всѣмъ какъ можно строже. Впрочемъ, здѣсь все идетъ какъ въ царствованіе покойнаго благодѣтеля нашего, какъ будто онъ еще живъ среди насъ.

Не оставляйте меня своей дружбою, любезный генералъ, и всегда

расчитывайте на мое расположение, на которое вы данно имѣете полное право. Не забивайте меня и будьте увѣрены, что нѣтъ на свѣтѣ человека, который болѣе уважалъ бы и цѣнилъ насъ, нежели искренно преданный вамъ Константинъ.

Varsovie. le 29 Janvier (2 Février) 1826.

Mon cher Baron, Le feldjäger Blinkow m'a exactement remis à son arrivée ici tous les paquets dont il était chargé pour moi. Entre ceux qui me venait de votre part il y en avait un qui contenait deux de vos offices au sujet de la récompense de mon vieux fidèle et excellent Danilow, auquel S. M. daignait accorder ou bien le grade la 4 classe ou bien un cadeau me laissant à mon choix de faire... de celui que je croyai le plus apropié à ses loyaux services. Mettez moi aux pieds de l'Empereur pour cette preuve de ses bontés pour moi et des égards qu'il daigne avoir aux présentations du vétéran qui a passé et consacré toute sa vie au service du plus adoré et du plus chéri des mattres. Assurez le de plus que la fidélité d'une vie entière et de 30 ans passés et consacrés à servir et à mériter d'avoir ce bonheur ne se démentiront jamais et lui sont garant du zèle et du dévouement que je mettrai à le servir de mon mieux. C'est donc avec la plus vive reconnaissance que j'ai choisi le grade et je vous restitue ci près l'autre office ainsi que le cadeau.

Continuez moi encore, mon cher camarade, votre confiance et veuillez me tenir au courant des évènements du jour et des découvertes que vous serez dans le cas de faire, il faut être vrai que la trame qui se découvre est horrible et atroce. Il est si absurde en outre que les auteurs les plus remarquables sortent la plupart de l'ancien régiment de Semenowski et n'en déplaise à leur dire je sai quant à moi que l'une tient à l'autre et que s'ils avaient pu produire alors quelque effet ils l'auraient fait et ne l'ayant pas pu ils ont choisi ce moment comme le plus opportun. Jusqu'à ce moment tout est parfaitement tranquille chez nous et nous ferons tout notre possible pour avoir la plus grande surveillance sur tout. Au reste tout marche ici comme au temps de feu notre bienfaiteur commun et à croire l'illusion de son existence.

Conservez moi votre amitié, cher Général, et comptez toujours sur la mienne qui vous est... à si juste titre et depuis si longtemps. Ne m'oubliez pas et persuadez vous que vous n'avez au monde d'être qui sache plus vous estimer et vous rendre justice que ne le fais votre tout dévoué Constantin.

LIII.

Цесаревичъ Константинъ—ген.-ад. бар. Дибичу.

Варшава. 29-го января 1826 г.

Баронъ И. И.! я имѣлъ удовольствіе получить письмо в. пр.—на отъ 20-го сего января; весьма благодарю васъ за увѣдомленіе и при томъ скажу, что сіе письмо, по обыкновенной эстафетѣ отправленное, дошло ко мнѣ уже послѣ пріѣзда сюда фельдгегера Влинкона.

При семъ случаѣ прошу в. пр.—во принять увѣреніе всегдашняго моего къ вамъ особеннаго уваженія «и дружбы» ¹⁾ Константинъ.

LIV.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—г.-а. барону Дибичу.

Варшава. 5-го февраля 1826 г.

Баронъ И. И.! В. пр.—во между прочимъ въ письмѣ своемъ отъ 28-го января, извѣщаетъ меня, что е. и. в. повелѣтъ вамъ соизволилъ извѣдомить меня, что козь скоро позволить время по теперешнимъ экстреннымъ дѣламъ, то г. и. изволилъ приказать открыть кабинетъ покойнаго г. и. въ присутствіи е. и. в. в. к. Михаила Павловича, д. т. с. князя Голицына и в. пр.—ва.

Я прошу васъ доложить е. и. в., что я полагаю, что нужно открыть оный кабинетъ сколь можно безъ отлагательства времени, ибо безъ сомнѣнія найдутся тамъ бумаги, которыя весьма могутъ быть нужны по нынѣшнимъ обстоятельствамъ къ способствованію въ раскрытіи зловердныхъ тайныхъ обществъ.

При семъ случаѣ прошу в. пр.—во принять увѣреніе всегдашняго моего къ вамъ особеннаго уваженія и дружбы Константинъ.

¹⁾ Собственноручная приписка цесаревича.

LV.

Восподаниѣннѣе письмо графа Витгенштейна.

Тульчинъ. 9-го февраля 1826 г.

Вс. г-рь. В-у и-у и-у благоугодно было высочайшимъ приказомъ 28-го минушаго января назначить меня шефомъ мариупольскаго гусарскаго полка и повелѣть оному называться гусарскимъ полкомъ моего имени.

Сей лестный знакъ высокомоуаршаго благоволенія, оказаннаго мнѣ въ то время, какъ напхлись адѣсь преступнѣннѣе злоумышленники, долгое время скривавшіеся отъ наблюденія, и когда я опасаясь за сіе справедливаго негодованія в. и. в., приѣмлю я съ чувствами душевной благодарности и глубочайшаго благоговѣнія.

Вс. г-рь! осмѣливаюсь повторить сіи чувства приверженности моеѣ къ священной особѣ вашей, съ коими до конца моеѣ жизни неизмѣнно пребуду в. и. в. вѣроподданиѣннѣй графъ Витгенштейнъ.

LVI.

Записка лейбъ-медика Вилліе, отъ 26-го февраля 1826 г., оиъ осмотра въ Бабинѣ тѣла императора Александра Павловича.

(Переводъ съ франц.). Сего 26-го февраля въ 7 часовъ по полудни, въ Бабинѣ, я производилъ осмотръ тѣла блаженной памяти императора Александра; раскрывъ его до мундира, я не нашелъ ни малѣйшаго признака химическаго разложенія, обнаруживающагося обыкновенно выдѣленіемъ сѣрнисто-водороднаго газа, обладающаго весьма ѣдкимъ запахомъ; мускулы крѣпки и тверды и сохраняютъ свою первоначальную форму и объемъ. Поэтому я смѣло утверждаю, что тѣло находится въ совершенной сохранности, и мы обязаны этимъ удовлетворительнымъ результатомъ точному соблюденію во время пути необходимыхъ мѣръ предосторожности. Поэтому я не буду принимать никакихъ дальѣйшихъ мѣръ до прибытія въ Царское Село. Джемсъ Вилліе.

Сего 26-го февраля 1826 г. въ 10 часовъ вечера.

184 А.
N° 536.

Ce 26 Fevrier dans l'après diner à Babino à 7 heures j'ai fait l'inspection du corps de l'Empereur de glorieuse mémoire; l'ayant mis à découvert jusqu'à l'uniforme, je n'ai trouvé le moindre indice de décomposition chimique, qui se manifeste ordinairement par un dégagement du gaze hydrosulphurique d'un très forte odeur: les chairs sont fermes et raides et ne s'éloignent nullement de leurs forme et de leurs volume naturel. Je n'hésite pas donc de dire que le corps est dans une conservation complète, et que c'est à la scrupuleuse exactitude des précautions et des moyens indispensables à cet effet chemin faisant, que nous devons ce résultat satisfaisant. C'est ainsi que je me suis abstenu de toute autre démarche ultérieure jusqu'à l'arrivée à Sarskoe Selo. James Wylie.

Le 26 Fevrier 1826, à 10 heures du soir.

LVII.

Къ исторіи казни декабристовъ

1826 года.

Записка императора Николая г.-а. барону Дненчу.

11-го іюля 1826 г.

Я полагаю назначить часъ вамъ вѣстѣ Кутузовымъ; и считаю въ 4 часа утра, такъ чтобы отъ 3 до 4 часовъ могла кончиться обѣда, и ихъ можно-бъ было причастить.

Резолюція императора Николая по дѣлу о 14-ти оберъ-офицерахъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, участвовавшихъ въ политическомъ возмущеніи, произведенномъ подполковникомъ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ.

«Барона Соловьева, Сухинова и Мозалевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства и переломленіи шпагъ надъ ихъ головами предъ полкомъ, поставить въ г. Васильковѣ, при собраніи команды изъ полковъ 9-й пѣхотной дивизіи, подъ висѣлину и потомъ отпратить въ каторжную работу вѣчно. Къ той же висѣлицѣ прибить имена убитыхъ Кузьмина, Щинилы и Муравьева Апостола, какъ измѣнниковъ, во исключеніе ихъ изъ списковъ. О Быстрицкомъ и прочихъ, равно

и касательно выисканія денегъ за растраченные амуничныя вещи, быть по мнѣнію Аудиторіатскаго департамента. Николай¹⁾.

Юля 12 дня 1826 г.

Всеподданнѣйшее донесеніе г.-а. барона Дибича—императору Николаю, отъ 13-го юли 1826 года, объ окончаніи исполненія приговора верховнаго уголовнаго суда надъ государственными преступниками, виновными въ заговорѣ 14-го декабря 1825 г.

[Переводъ съ франц.] Ваше величество, фельдъегерь Чаусовъ доставитъ вамъ донесеніе генерала Кутузова объ окончаніи исполненія приговора надъ злодѣяніими, а вслѣдъ за нимъ прибудетъ генераль Чернышевъ, который донесетъ вамъ объ этомъ словесно, откланиваясь въ то же время у в. в.

Войско держало себя съ достоинствомъ, а злодѣи держали себя также плохо, какъ и въ началѣ. И. Дибичъ.

Sire. Le feldjagher Tchaussow vous portera le rapport du Général Koutouzwoff de la fin de l'exécution des scelerats et le Général Czernicheff va le suivre de près pour vous en faire le rapport verbal en prenant congé.

La troupe s'est conduit avec dignité, les criminels avec cette bassesse que nous avons vu depuis le commencement J. Diebitsch.

Ce 13 Juillet 1826.

Императоръ Николай—г.-а. бар. Дибичу.

13 го юли 1826 г.

(Переводъ съ франц.). Благодарю Бога, что все окончилось благополучно; и вполне былъ утѣренъ, что герои 14-го декабря не выкажутъ въ этомъ случаѣ болѣе храбрости, нежели нужно. Прошу васъ, любезный другъ, быть сегодня какъ можно осторожнѣе и прошу передать Бенкендорфу, чтобы онъ удвоилъ свою бдительность и вниманіе; тотъ же приказъ слѣдуетъ отдать по войскамъ. Я хочу уѣхать отсюда тихимъ образомъ, чтобы быть въ 3 часа въ моемъ дворцѣ въ городѣ.

13 Juillet 1826.

Je bénis Dieu de ce que tout soit fini heureusement; j'ai bien cru que les héros du 14 n'auraient pas dans l'occasion plus de courage qu'il ne faut. Je vous recommande, mon cher, pour aujourd'hui la plus grande prudence et dites bien à Benkendorf de redoubler d'activité et d'attention; même consigne à la troupe. Je veux partir d'ici de façon à être à 3 heures à ma maison en ville.

¹⁾ Шт.-в. баронъ Соловьевъ, поручикъ Сухиновъ и прапорщикъ Мосалевскій, какъ главные сообщники подл. Мур. Апостола, были приговорены къ смертной казни.

Ред.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ—ГЕН.-АД. ПАР. ДИБИЧУ.

Елагинъ островъ. 14-го іюля 1826 г.

Баронъ Иванъ Ивановичъ. Выбваю себѣ въ пріятѣйшій долгъ благодарить васъ за неутомимые труды ваши и за благоразумныя распоряженія, коими предупредили вы замысли части злѣйшихъ измѣнниковъ, готовившихся во второй арміи поднять знамя бунта.

Среди заслугъ отечеству, вами оказанныхъ, справедливое потомство всегда вѣнчать вамъ въ одну изъ важнѣйшихъ—рѣшимость принятыхъ вами мѣръ тогда, когда поражены были постигшимъ всеобщимъ нашимъ несчастіемъ, и дѣйствовали сами собой.

Примите черезъ меня отъ лица отечества совершенную признательность. Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ Николай.

На конвертѣ рукою государя императора:

„Начальнику главнаго штаба моего барону Дибичу“.

20

ГПБ Русский фонд

38.76.1.135